

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
YEREVAN STATE UNIVERSITY

ԲԱՆԲԵՐ ԵՐԵՎԱՆԻ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ
ՌՈՒՍ ԲԱՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ

ВЕСТНИК ЕРЕВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

BULLETIN OF YEREVAN UNIVERSITY
RUSSIAN PHILOLOGY

ՀԱՄԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
SOCIAL SCIENCES

№ 2 (21)

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРЕВАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
YEREVAN STATE UNIVERSITY PRESS

ԵՐԵՎԱՆ – 2022

Журнал "Вестник Ереванского университета. Русская филология" выходит два раза в год. Издается с 2015 года. Правонаследник издававшегося в 1967-2009 гг. журнала "Вестник Ереванского университета".

«Բանբեր Երևանի համալսարանի. Ռուս քանասիրություն» հանդեսը լույս է տեսնում տարեկան երկու անգամ: Հրատարակվում է 2015 թվականից: Երավահաջորդն է 1967-2009 թթ. հրատարակված «Բանբեր Երևանի համալսարանի» հանդեսի:

The "Bulletin of Yerevan University. Russian Philology" is published twice a year. It has been published since 2015. It is the successor of "Bulletin of Yerevan University" published in 1967-2009.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Акопян Левон** (*к.фил. н., доц.*),

Балаян Павел (*к.пед.н., доц.*), **Газарова Диана** (*к.фил.н., доц.*), **Геворкян Татьяна** (*Москва, д.фил.н.*), **Денисенко Владимир** (*Москва, д.фил.н., проф.*), **Джанполадян Магдалина** (*д.фил.н., проф.*), **Лалаян Сусанна** (*к.фил.н., доц.*), **Матевосян Лианна** (*д.фил.н., проф.*), **Мхитарян Карине** (*к.фил.н., доц.*)

Խմբագրական խորհուրդ.

Գլխավոր խմբագիր՝ **Հակոբյան Լևոն** (*բ.գ.թ., դոց.*)

Բալայան Պավել (*մ.գ.թ., դոց.*), **Գազարովա Գիանա** (*բ.գ.թ., դոց.*), **Գևորգյան Տադյանա** (*Մոսկվա, բ.գ.դ.*), **Դենիսենկո Վլադիմիր** (*Մոսկվա, բ.գ.դ., պրոֆ.*), **Լալայան Սուսաննա** (*բ.գ.թ., դոց.*), **Մաթևոսյան Լիաննա** (*բ.գ.դ., պրոֆ.*), **Մխիթարյան Կարինե** (*բ.գ.թ., դոց.*), **Ջանփոլադյան Մագդալինա** (*բ.գ.դ., պրոֆ.*)

Editorial Board:

Editor-in-chief: **Hakobyan Levon** (PhD in Philology, Associate Professor)

Balayan Pavel (PhD in Pedagogy, Associate Professor), **Denisenko Vladimir** (Moscow, Sc. D. in Philology, Professor), **Gazarova Diana** (PhD in Philology, Associate Professor), **Gevorgyan Tatyana** (Moscow, Sc. D. in Philology), **Janpoladyan Magdalena** (Sc. D. in Philology, Professor), **Lalayan Susanna** (PhD in Philology, Associate Professor), **Matevosyan Lianna** (Sc. D. in Philology, Professor), **Mkhitaryan Karine** (PhD in Philology, Associate Professor)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**ЛЕВОН АКОПЯН**

Аннотация. Статья представляет собой опыт дальнейшей разработки понятия «доминанта» – одного из важнейших концептов русского формализма. Изучение работ формалистов, посвященных доминанте, показывает, что они сосредоточены на исследовании общетеоретических проблем литературы с точки зрения нового концепта, поэтому изучение доминанты в отдельном стихотворении не входило в круг их интересов. Это обстоятельство определило цели данной статьи: обозначить основные проблемы доминанты в поэтическом тексте и рассмотреть особенности лексической доминанты.

Предлагаемая концепция строится на излагаемых ниже положениях.

Доминанта – это поэтический образ, превалирующий над другими образами текста.

Доминантой может выступать только акцентированный компонент текста. Основным показателем акцентированности является интенсивное повторение некоторого элемента в поэтическом тексте, поэтому доминантой может быть только повторяющийся компонент.

Известно, что поэтический образ может проявляться на любом уровне организации текста, следовательно, доминанта в стихотворении также может быть реализована на всех текстовых уровнях.

С точки зрения общепринятого деления повторов на контактные и дистантные можно утверждать, что повторы на уровнях ниже лексического реально могут функционировать только при контактной реализации, а повторы на уровнях выше лексического – только при дистантном воспроизведении.

Между этими крайними уровнями находится лексический повтор, который может быть как контактным, так и дистантным.

Контактный повтор выполняет преимущественно экспрессивно-эмоциональную функцию, поэтому его роль в формировании доминанты незначительна.

Более важное значение имеет *дистантный* и в особенности *сквозной повтор*, предполагающий наличие разделяющего пространства между повторяющимися компонентами текста и реализацию их в разных микроконтекстах.

Дистантный повтор в статусе доминанты обладает рядом особенностей, выделяющих его на фоне других повторов: а) доминанта – это *развивающийся* образ, начальное и конечное состояния которого не равны друг другу; б) доминанта – это *порождающий образ*, который генерирует ряд сопутствующих образов, способствующих выдвиганию доминанты и расширению ее присутствия в тексте.

Ключевые слова: русский формализм, доминанта, уровни организации текста, поэтический образ, дистантный повтор

THE LEXICAL DOMINANT IN POETIC TEXT

LEVON HAKOBYAN

Abstract. The article makes an attempt to develop further the concept of "dominant" - one of the most important concepts of Russian formalism. A study of the formalists' works devoted to the dominant shows that they are focused on the study of general theoretical problems of literature from the point of view of the new concept, so they were not interested in studying the dominant in a particular poem. The purpose of this article is to identify the main problems of the dominant in a poetic text and to consider the features of the lexical dominant.

The proposed concept is based on the following provisions.

The dominant is a poetic image that prevails over other images of the text.

Only the accented component of the text can act as a dominant. The main indicator of accentuation is the intensive repetition of some element in a poetic text, so only a repeating component can be a dominant.

It is known that a poetic image can be created at any level of text organization, consequently, the dominant in a poem also can be realized at all text levels.

From the perspective of the traditional division of repetition into contact and distant ones, we can assert that the repetitions at the levels lower than the lexical one can actually function only in contact realization, whereas the repetitions at the levels higher than the lexical one can function only in distant reproduction.

The lexical repetition which can be both contact and distant is between these two extreme levels. The contact repetition performs mainly an expressive function, so its role in the formation of the dominant is insignificant.

More important is the *distant* and especially the *throughout repetition*, which implies the presence of a separating space between the repeating text components and their implementation in different micro-contexts.

The distant repetition as a dominant has a number of features that distinguish it from other repetitions: a) the dominant is a *developing image*, the initial and the final states of which are not equal to each other; b) the dominant is a *generative image* which creates a number of accompanying images that contribute to the promotion of the dominant and the expansion of its presence in the text.

Keywords: *Russian formalism, dominant, levels of text organization, poetic image, distant repetition*

Сегодня термин «доминанта» почти полностью исчез из литературоведческого обихода, так что даже в современных словарях литературных терминов не всегда можно встретить статью, посвященную этому концепту. Что же касается собственно исследовательских работ, то следует отметить, что если где-то и встречается термин «доминанта», то разве что в работах, посвященных русскому формализму. Это вполне естественно, потому что проблема доминанты была одним из важнейших и наиболее интенсивно разрабатываемых понятий в исследованиях представителей этой школы.

Наша статья состоит из двух частей. Первая часть посвящена краткому обзору становления и развития концепции доминанты в трудах Б. Томашевского, Ю. Тынянова, Р. Якобсона и др. Во второй части мы обращаемся к вопросам, которые не разрабатывались представителями формаль-

ной школы, в частности, к изучению доминанты в отдельном поэтическом тексте, в особенности к проблемам лексической доминанты.

1. ПРОБЛЕМА ДОМИНАНТЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУССКИХ ФОРМАЛИСТОВ

Представление о художественном тексте как системной организации сегодня стало общим местом в рассуждениях о сущности эстетического объекта. Идея системности художественного текста была впервые выдвинута русскими формалистами. В наиболее лаконичной форме она была выражена Ю. Тыняновым в статье «О литературной эволюции»: «литературное произведение является системой, и системой является литература» [Тынянов, 1977а, с.272].

Если художественный текст представляет собой особым образом организованную систему, то это значит, что ему присущи все основные характеристики системы, в том числе и такой ее параметр как иерархичность, предполагающий наличие в данном художественном тексте более акцентированных и менее интенсивно выраженных компонентов.

Аксиологическая неравноценность различных составляющих художественного текста стала предметом размышлений немецкого философа Бродера Христиансена, который в своем трактате «Философия искусства» (1909г.) поставил вопрос об основных и дополнительных факторах в произведении искусства. Эти основные факторы он обозначил термином «доминанта» и, поясняя его, писал:

Редко случается, чтобы эмоциональные факторы эстетического объекта участвовали на равных условиях в действии целого; естественно, напротив, что отдельный фактор или сочетание некоторых из них выдвигается на первый план и берет на себя руководящую роль. Остальные сопровождают доминанту, усиливают ее своим созвучием, поднимают ее контрастом, окружают игрой вариаций. Доминанта <...> заключает тему целого, поддерживает это целое, все вступает в отношения с ней. Всякий формальный, а также предметный элемент может быть доминантой. <...> Для понимания произведения необходимо почувствовать и выделить доминанту и отдаться ее движению; она одна сообщает всякому другому элементу и целому их конечный смысл [Христиансен, 1911, с.204].

Идею Христиансена о выдвигаемых на первый план факторах вряд ли можно считать вполне оригинальной хотя бы потому, что любой реципиент художественного произведения вполне четко определяет для себя (конечно, в меру своей компетенции) ведущую тему, основную сюжетную линию, главных персонажей, а более искушенный – еще и какую-либо характерную особенность языка, стиля или композиции текста. С этой точки зрения, заслуга Христиансена заключается не в том, что он первым обратил внимание на неравноценность составляющих художественный текст компонентов, а в том, что он впервые обозначил известное явление специальным термином. Поэтому нам представляется, что формалистов привлекла не столько идея доминанты в том виде, в котором она была

представлена у Христиансена, сколько сам термин, дающий возможность проецировать его на более широкий круг явлений, нежели те, которые были намечены немецким философом. Фактически, здесь мы сталкиваемся с тем редким, а потому и интересным случаем, когда новый термин, определяющий далеко не новое понятие, порождает встречную мысль и позволяет экстраполировать его на другие явления.

В отличие от Христиансена, размышлявшего о функции доминанты в отдельном произведении, формалисты с самого начала сосредоточились на изучении общетеоретических проблем литературы с точки зрения этого нового концепта, который впервые в русском литературоведении использовал Б. Эйхенбаум в своей книге «Мелодика русского лирического стиха» (1922): «Художественное произведение всегда – результат сложной борьбы различных формирующих элементов, всегда – своего рода компромисс. <...> В зависимости от общего характера стиля тот или другой элемент имеет значение организующей доминанты, господствуя над остальными и подчиняя их себе» [Эйхенбаум, 1969b, с.332].

Идея доминанты в существенной мере стимулировала дальнейшие исследования формалистов в самых разных областях литературоведения и, по словам В. Эрлиха, «позволила перейти от импрессионистических метафор к научной точности и логической последовательности» [Эрлих, 1996, с.287].

Исследования доминанты в трудах русских формалистов¹ велись в разных направлениях. С позиций доминанты Б. Томашевский разрабатывал теорию жанра [Томашевский, 1999, с. 207], Ю. Тынянов прослеживал литературную эволюцию [Тынянов, 1977а, сс.270-281], Б. Эйхенбаум выстраивал свою концепцию мелодики стиха [Эйхенбаум, 1969b, с.332], а Б. Ярхо использовал статистические методы при изучении доминанты на уровне идеи произведения [Ярхо, 2006, сс.107, 122-123].

Р. Якобсон существенно раздвинул границы термина и распространил его на более широкий круг явлений, в целом рассматривая доминанту в контексте все тех же эволюционных процессов, когда одни факторы, доминирующие в определенный период литературной истории, впоследствии отходят на второй план, уступая место другим, ранее периферийным. С этой точки зрения он изучает эволюцию чешского стиха. В том же эволюционном контексте он рассматривает доминирование определенного вида искусства в разные периоды развития европейской культуры (изобразительного искусства – в эпоху Возрождения, музыки – в искусстве романтизма, литературы – в эпоху реализма) [Якобсон, 2011, сс.77-78].

В теоретических изысканиях формалистов понятие доминанты стало одним из важнейших концептов, естественным образом вытекавшим из представления о художественном произведении как особым образом организованной системе. В процитированной выше статье Тынянов пишет: «Система не есть равноправное взаимодействие всех элементов, а предполагает выдвинутость группы элементов («доминанта») и деформацию ос-

¹ Говоря о формалистах, мы позволили себе некоторую вольность, имея в виду не только опоязовцев, но и других ученых, близких к ним по исследовательскому духу и теоретическим установкам.

тальных, произведение входит в литературу, приобретает свою литературную функцию именно этой доминантой». [Тынянов, 1977а, с.277].

Для того, чтобы выяснить, как преломилась идея Христиансена в концепции формалистов, приведем три определения доминанты, одно из которых принадлежит непосредственному участнику бурной интеллектуальной жизни тех лет, другое – современному исследователю истории и теории русского формализма, а третье – автору словарной статьи, посвященной доминанте.

Р. Якобсон: «Я определяю доминанту как ведущий компонент произведения, который управляет остальными компонентами поэтического произведения, определяет и трансформирует их. Именно доминанта обеспечивает целостность структуры. Доминанта определяет специфику произведения» [Якобсон, 2011, с.76].

О.А. Ханзен-Лёве: «Понятие доминанты обозначает <...> обусловленное как временными, так и системными факторами господство какой-либо конструктивной функции над другими» [Ханзен-Лёве, 2001, с. 301].

Х. Гюнтер: «Доминанта – функциональное и/или ценностное преобладание одного компонента в структуре текста, жанра или культурного явления» [Поэтика, 2008, с.62].

Эти три определения, в некоторых нюансах отличающиеся друг от друга, в плане сущностном вполне совпадают: доминанта – это компонент, который превалирует и подчиняет себе все остальные компоненты.

Идею, сформулированную Христиансеном, опоязовцы разрабатывали в разных аспектах, но целостной теории доминанты все же не создали. Тем не менее, общая тенденция их теоретических устремлений прослеживается вполне определенно.

В концепции формалистов идея доминанты изначально была ориентирована на «глобальные» литературоведческие категории, а рассмотрение ее в контексте общетеоретических проблем обусловило специфику изучения доминанты преимущественно в диахроническом аспекте (исторические трансформации жанра, эволюционные процессы в истории литературы).

Нацеленность формалистов на исследование общетеоретических проблем отразилась и на специфике их подхода к изучению доминанты в поэзии. Это своеобразие проявилось в том, что они сосредоточились не на исследовании отдельных поэтических текстов, а стремились выявить некоторую *общую* доминанту, характеризующую творчество автора.

Так, например, Жирмунский говорит о доминирующей функции метафоры в поэзии Блока: «Своеобразное место Блока в истории русской романтической лирики определяется тем решительным значением, которое получила в его поэзии метафора как главенствующий прием, как стилистическая "доминанта"» [Жирмунский, В.М., 1977b, с.208]. Точно так же Якобсон выделяет метонимию как доминанту художественного мира Пастернака: «Система метонимий, а не метафор – вот что придает его творчеству "лица необщее выражение". Его лиризм, в прозе или в поэзии, пронизан метонимическим принципом, в центре которого - ассоциация по смежности. <...> Стихи Пастернака – целое царство метонимий, очнув-

шихся для самостоятельного существования» [Якобсон, 1987, сс.329-330].

Эйхенбаум в своем исследовании «Анна Ахматова (Опыт анализа)» также обращается к проблеме доминанты в ее раннем творчестве: «Мне было важно прежде всего установить ту основную доминанту, которая определяет собой целый ряд фактов ее стиля. Этой доминантой я и считаю *стремление к лаконизму и энергии выражения*» (выделено нами – Л.А.) [Эйхенбаум, 1969а, с.106].

Вполне очевидна неопределенность и обтекаемость характеристики «доминанты поэзии Ахматовой», данной исследователем, и думается, что сдержанное отношение В. Виноградова к этой работе Эйхенбаума было вызвано, в частности, и приведенным выше пассажем. В этой связи Виноградов пишет: «С методологической точки зрения она (книга Б. Эйхенбаума об Ахматовой – Л.А.) характеризуется упрощенностью объяснений: все явления, по грубо формалистическим категориям выстроенные, без определения функциональных отличий подгоняются под придуманную «доминанту» (чисто номенклатурного, вывесочного характера)» [Виноградов, 1976, с.369].

Впрочем, подобные ничего определенного не выражающие «номенклатурно-вывесочные» характеристики доминанты можно обнаружить и у других исследователей. Так, в статье «Валерий Брюсов и наследие Пушкина» Жирмунский пишет: «"Доминантой" для Брюсова и символистов является *эмоциональное и напевное действие стиха*, для Пушкина, Ахматовой, Кузмина – *смысловая, вещественно-логическая стихия речи*» [Жирмунский, 1977а, с.386] (выделено нами – Л.А.). Все это дало основание позднейшим исследователям говорить о том, «что формалисты нередко удовлетворялись достаточно расплывчатыми формулировками «доминант» изучавшихся ими литературных явлений» [Жолковский и Щеглов, 1975, с.152].

Установка формалистов на изучение доминанты преимущественно на уровне общей характеристики творчества поэта естественным образом исключала сосредоточение на определенном произведении. Поэтому, если и обращались формалисты к конкретным поэтическим текстам, то довольствовались преимущественно краткими комментариями, вроде того, что представлено в статье Тынянова «Тютчев и Гейне». Здесь, рассматривая тютчевский перевод знаменитого «*Ein Fichtenbaum steht einsam*», Тынянов ограничился скудным замечанием: «Таким образом, слово "кедр" оказывается доминантой всего стихотворения: *На севере мрачном, на дикой скале / Кедр одинокий под снегом белеет*» [Тынянов, 1977б, с.381].

Завершая этот краткий обзор, считаем необходимым подчеркнуть несколько важных моментов, связанных с исследованиями доминанты в трудах русских формалистов:

1. Доминанта стала одним из важнейших концептов в изысканиях некоторых представителей этой школы;
2. Формалисты разрабатывали концепцию доминанты преимущественно в аспекте общетеоретических проблем (исторические трансформации жанра, эволюция литературного процесса);
3. Поэзия в аспекте доминанты изучалась преимущественно на уровне

не общей характеристики творчества поэта.

4. Изучение доминанты в конкретном поэтическом тексте не входило в круг интересов русских формалистов.

Последнее обстоятельство и побудило нас обратиться к проблемам, связанным с выявлением и обоснованием доминанты в поэтическом тексте.

2. ПРОБЛЕМА ДОМИНАНТЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Эта часть нашей статьи посвящена общей характеристике текстовой доминанты и формам ее реализации в поэтическом произведении. С самого начала считаем необходимым оговорить следующий принципиальный момент: *доминанта является важным, но отнюдь не обязательным компонентом поэтического текста*: существует множество произведений, образы которых находятся в состоянии динамического равновесия, поэтому в этих текстах доминанты как таковой нет и выделить ее невозможно. По этой причине все дальнейшие наши рассуждения будут относиться исключительно к поэтическим текстам, в которых доминирующий компонент можно выявить достаточно определенно.

В нашем исследовании мы будем исходить из следующих ключевых положений теории поэтического текста и концепции доминанты:

1. Поэтический текст – это сложно построенный смысл, и все элементы стихотворения являются элементами смысловыми (см.: [Лотман, 1972, с.38]);

2. Доминанта является ведущим текстообразующим и смыслообразующим компонентом произведения или его части (см.: [Якобсон, 2011, с.76]);

3. Доминантой может быть элемент (элементы) любого уровня организации поэтического текста (см.: [Христиансен, 1911, с.204]).

Известно, что поэтический образ возникает на любом уровне текстовой организации. Из этого следует, что доминанта в поэтическом произведении также может проявляться на всех уровнях – от так называемых низших (фоника, ритмика) вплоть до стихового и строфического уровня. Акцентирование или выдвижение одного какого-либо образа влечет за собой нарушение некоторого, условно говоря, равновесного состояния образной системы текста и выстраивание неравновесных иерархических отношений между ними (Ср.: [Хэллидей, 1980, сс.130-131]).

Иерархичность в данном случае проявляется в том, что более интенсивно выраженные компоненты (образы) подчиняют себе другие составляющие текста. Это, в свою очередь, означает, что подчиненные компоненты втягиваются в силовое поле доминанты, которая редуцирует смыслообразующую и текстообразующую потенцию подчиненных образов.

Итак, доминанта есть акцентированный, выдвинутый компонент по отношению к другим составляющим поэтического текста. Вряд ли следует доказывать, что способность к функционированию в качестве доминанты обусловлена не какими-то особыми внутренними качествами компонента, а целиком определяется тем контекстом, в котором он реализуется и который обуславливает выдвижение его в статус доминанты.

Проблема выдвижения стала предметом исследования И.В. Арнольд в ее книге, посвященной стилистике английского языка. Под выдвижением автор понимает «способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней». Арнольд выделяет три основных типа выдвижения: сцепление (С. Левин), конвергенция (М. Риффатер), обманутое ожидание (Р. Якобсон и др.) [Арнольд, 2010, с.99-100].

ПОВТОР КАК ОСНОВА ПОЭТИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ

В отличие от рассмотренных в книге Арнольд точек зрения на проблему выдвижения мы полагаем, что основным показателем акцентированности какого-либо элемента в поэтическом тексте является его повторяемость, которая в литературоведении определяется термином *повтор* – общим обозначением множественного воспроизведения какого-либо компонента текста.

Разнообразные формы повтора обуславливают конструктивные и семантические особенности поэтического текста. Будучи «основным принципом построения стихов» [Якобсон, 1923, с.37], повтор пронизывает все уровни организации поэтического текста. Начиная с определенного порядка чередования сильных и слабых слогов в силлаботонике и кончая повторяющейся структурой строфической организации произведения, повтор проявляется на всех уровнях поэтического текста и выполняет многочисленные формообразующие и семантические функции. Более того, во многих отношениях именно повтор придает «стихотворность» поэтическому тексту. Особой значимостью повтора обусловлено то обстоятельство, что ни одна категория поэтики и ни один художественный прием не дифференцированы столь детально, как повтор. В зависимости от языкового уровня и формальных признаков повторяющейся единицы издавна были разработаны более частные дефиниции повтора – аллитерация, ассонанс, анафора, эпифора, рефрен и др.

Наиболее простое определение повтора гласит: «Повтор – это стилистическая фигура, в которой одна и та же мысль или один и тот же образ появляется два и более раза» [Зарев, 1979, 1, с.489]. Это определение, в принципе верное, нуждается, на наш взгляд, в некоторых уточнениях. Во-первых, говоря об образе (по крайней мере – в поэтическом тексте), необходимо помнить, что речь должна идти не только о словесном образе, но и об образах, создаваемых на более низких уровнях организации текста: звуковом, ритмическом, морфемном. Очевидно, что поэтический образ порождается и на более высоких уровнях, таких как уровень словосочетания, стиха, фразы, строфы. Во-вторых, важно отметить, что смысл повтора заключается в выдвижении некоторого компонента на фоне других составляющих художественного текста. Для того, чтобы повтор выполнял свою функцию (все равно какую – экспрессивную, конструктивную и пр.) он должен *восприниматься* читательским сознанием. Восприятие же повтора зависит от двух взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов:

языкового уровня повторяющегося компонента и плотности повтора. Так, протяженность текстового пространства, на котором могут функционировать повторы на звуковом уровне и повторы на уровне словосочетания, различны. Звуковые повторы (например, аллитерации) могут реально восприниматься и, следовательно, выполнять свою функцию лишь в том случае, если аллитерирующие слова, расположены достаточно близко друг к другу² (см., например, у Ломоносова: *Открылась бездна звезд полна, / Звездам числа нет, бездне дна*). Что касается повторяющихся словосочетаний, то они могут быть разнесены в разные концы поэтического текста, даже достаточно объемного. Например, в стихотворении О. Мандельштама *Я буду метаться по табору улицы темной...*, словосочетание, представленное в первом стихе, в несколько измененном виде повторяется в последнем стихе текста: *И некому молвить: «из табора улицы темной...»*.

Исходя из сказанного, мы полагаем, что существует прямо пропорциональная зависимость между языковым уровнем повторяющейся единицы и протяженностью текстового пространства, на котором данный повтор может *реально* функционировать (т.е. восприниматься реципиентом): чем выше уровень повторяющейся единицы, тем более протяженным может быть текстовое пространство, отделяющее повторы друг от друга; наоборот, чем ниже уровень компонента, тем плотнее должны располагаться повторы друг к другу.

Изложенное выше имело целью обосновать одно из основных положений нашей статьи о том, что важнейшим основанием выдвижения некоторого компонента и его функционирования в качестве доминанты является повторяемость данного компонента. Поэтому, с нашей точки зрения, доминантой в поэтическом тексте может быть только повторяющийся компонент.

Если соотнести разные уровни повтора с общепринятым делением их на контактные и дистантные, то можно заметить следующую закономерность: повторы на уровнях ниже лексического – звуковые, морфемные и др. – могут функционировать (т.е. быть восприняты) только при контактной реализации, а повторы на уровнях выше лексического – лишь при дистантном представлении. В соответствии с этим доминанты на фонемном и морфемном уровнях могут быть реализованы лишь при контактном взаимодействии, в противном случае образы и образные доминанты, создаваемые на этих уровнях, не будут идентифицированы. Напротив, доминантные повторы на стиховом или строфическом уровнях возможны лишь на определенной дистанции друг от друга, выступая в разных микроконтекстах: контактный повтор компонентов этих уровней просто невозможен, так как неизбежно приведет к тавтологии.

Между этими крайними уровнями доминанты (фонетической и морфемной, с одной стороны, и стиховой и строфической – с другой) находится *лексическая доминанта*. Под этим термином мы здесь объединяем

² Строго говоря, воспринимаемость звукового повтора зависит еще и от частотности данного звука в языке. См. раздел «Частотность букв русского алфавита» в кн.: [Ляшевская, Шаров].

доминанты на уровне слова и на уровне словосочетания. Основанием для такого объединения является то обстоятельство, что в поэтическом тексте повторяющееся два и более раза словосочетание предстает как неделимое единство, в целом соотносимое с отдельным словообразом.

По сравнению со всеми другими уровнями лексическая доминанта характеризуется наибольшим разнообразием и богатством форм проявления.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В декабре 1906 года А. Блок в своей записной книжке сделал следующую знаменательную, хотя и местами несколько туманную запись:

Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение. Тем оно темнее, чем отдаленнее эти слова от текста. В самом темном стихотворении не блещут эти отдельные слова, оно питается не ими, а темной музыкой пропитано и пресыщено. Хорошо писать и звездные и беззвездные стихи, где только могут вспыхнуть звезды или можно их самому зажечь [Блок, 1965, с.84].

Первая часть этой записи (первые три предложения) цитируется довольно часто. Нам представляется, что блоковские «слова-звезды» являются собой поэтически выраженную идею о лексической доминанте. Если это толкование верно, то можно соответствующим образом интерпретировать и последующий текст, который в силу его повышенной метафоричности дает возможность различных прочтений. С нашей точки зрения, под «*беззвездными стихами*» Блок подразумевает произведения, в которых доминанта не выделяется.

Так как предметом нашего изучения является лексическая доминанта (блоковские «слова-звезды»), мы сосредоточимся на изучении ее особенностей.

Выше мы говорили о том, что повтор является необходимым условием выдвижения некоторого компонента в статус доминанты поэтического текста. Естественно, что сказанное относится и к лексической доминанте.

Мы выделяем следующие виды доминантного лексического повтора:

- простой лексический повтор, то есть повторение одной и той же лексемы или словосочетания два и более раза;
- семантический повтор – повторяемость лексико-семантических корреляций данной лексемы (синонимы и близкие по смыслу слова и выражения); частным случаем семантического повтора являются антонимы (корреляция по контрасту).
- местоименный повтор, когда вместо простого повтора выступают местоименные *замены* данного слова или словосочетания. Здесь мы особо выделяем слово «замена», потому что местоимение (особенно личное) само по себе может быть доминантой поэтического текста.

Лексический повтор может быть *контактным* и *дистантным*.

Контактное положение повторяющихся лексических компонентов

имеет преимущественно экспрессивно-эмоциональную функцию, поэтому структурообразующая роль этой разновидности повтора в аспекте формирования доминанты незначительна.

С этой точки зрения гораздо более важное значение имеет *дистантный повтор*, предполагающий наличие некоторого разделяющего пространства между повторяющимися компонентами текста. В сравнении с контактным повтором, дистантный повтор выполняет уже не стилистическую, а структурообразующую функцию. Наличием определенного расстояния между повторами предопределено вовлечение повторяющегося компонента в разные контекстные окружения (микрконтексты). Это обстоятельство обуславливает двойной эффект: с одной стороны, нахождение в разных микрконтекстах способствует семантическому развитию и смысловому обогащению повторяющегося компонента, с другой стороны, выступая в разных микрконтекстах, повторяющийся компонент выполняет функцию скреп, объединяющих разные части текста.

Особый интерес с точки зрения наших задач представляет интенсивно выраженная разновидность дистантного повтора, именуемая *сквозным повтором*. Это тип повтора, который многократно проявляясь, пронизывает поэтический текст, во многом определяя иерархию его образной системы и, в конечном счете, смысловую составляющую произведения.

Говоря о многократности повтора (дистантного или сквозного), мы фактически выдвигаем на первый план количественный параметр повторяющегося компонента. Однако это тот случай, когда количественный параметр трансформируется в параметр качественный, обусловленный тем обстоятельством, что нахождение в разных контекстных окружениях определяет динамику повторяющегося образа.

Для того, чтобы дистантный или сквозной повторяющийся образ выступал доминантой некоторого текста, он должен, помимо многократности, обладать еще рядом других особенностей, выделяющих его на фоне других повторов.

Во-первых, доминантой может быть такой образ, которому присуще внутреннее развитие, проявляющееся в том, что каждое последующее вхождение образа сопровождается определенными изменениями в его семантической структуре. Иначе говоря, доминантный образ – это *становящийся* или *трансформирующийся* образ, начальное и конечное состояния которого не равны друг другу. Семантическая трансформация образа может проявляться в расширении или сужении семантической структуры образа, в изменении его ассоциативных, коннотативных, культурных и прочих проекций.

Во-вторых, доминанта – это *порождающий образ* в том смысле, что она генерирует ряд сопутствующих образов (образов-сателлитов), способствующих выстраиванию концептуальной и тематической основы поэтического текста. Эти образы, как правило, относятся к тому же семантическому полю, что и доминанта. Сопутствующие образы не только способствуют выдвиганию доминанты, но и расширяют его присутствие в тексте, с одной стороны, и обогащают ее дополнительными семантическими характеристиками и смысловыми обертонами – с другой.

Представленные выше положения достаточно умозрительны и нуждаются в подтверждении конкретным материалом. В качестве иллюстрации к нашим выкладкам мы выбрали стихотворение Н.А. Заболоцкого «Можжевеловый куст» (1957), впоследствии вошедшее в цикл «Последняя любовь».

Стихотворение это было создано в тяжелый период жизни Заболоцкого, потому что за два года до этого жена поэта, многие годы разделявшая всю тяжесть его нелегкой судьбы, ушла к другому. Этот неожиданный удар подкосил поэта и эмоционально и, как впоследствии оказалось, физически, а «Можжевеловый куст» стал горестным отголоском этих драматичных событий.

Можжевеловый куст

1. *Я увидел во сне можжевеловый куст,*
 2. *Я услышал вдали металлический хруст,*
 3. *Аметистовых ягод услышал я звон,*
 4. *И во сне, в тишине, мне понравился он.*

 5. *Я почувал сквозь сон легкий запах смолы.*
 6. *Отогнув невысокие эти стволы,*
 7. *Я заметил во мраке древесных ветвей*
 8. *Чуть живое подобье улыбки твоей.*

 9. *Можжевеловый куст, можжевеловый куст,*
 10. *Остывающий лепет изменчивых уст,*
 11. *Легкий лепет, едва отдающий смолой,*
 12. *Проколовший меня смертоносной иглой!*

 13. *В золотых небесах за окошком моим*
 14. *Облака проплывают одно за другим,*
 15. *Облетевший мой садик безжизнен и пуст...*
 16. *Да простит тебя бог, можжевеловый куст!*
- [Заболоцкий, 1983, 1, сс.285-286]

Четырехкратное вхождение образа *можжевеловый куст* – в начале, в середине и в конце текста – представляет собой сквозной повтор, осложненный контактными повторами в начале третьей строфы, выделяет этот образ из числа других лексических повторов. Это обстоятельство уже само по себе дает основание полагать, что *можжевеловый куст* является лексической доминантой данного текста. Однако, как было сказано выше, количественный параметр является важным, но не единственным критерием, определяющим доминанту. Более существенное значение имеет другой критерий, связанный с семантическим развитием образной доминанты. Для выявления внутренней динамики образа *можжевеловый куст* обратимся к порожденным им сопровождающим образам. Таковыми являются относящиеся к тому же вегетативному семантическому полю образы *ягода*, *смола*, *стволы*, *древесные ветви*, *игла* (в значении ‘игольчатая хвоя’).

Между этими образами-сателлитами также существуют иерархические отношения в том смысле, что они не в равной мере участвуют в становлении и развитии доминанты. Так, например, образы *аметистовые ягоды* и *металлический хруст*, обогащая растительный мир поэтического текста, не имеют существенного значения в плане семантического развития доминанты, в отличие от образа *смола* или, вернее, *запах смолы*. Этот образ появляется в тексте дважды.

Первый раз он появляется в стихе 5. *Я почуял сквозь сон легкий запах смолы*, где образ выступает в своем прямом значении (запах смолы можжевельника).

Второе вхождение образа *запах смолы* представлено оригинальной метафорой *легкий лепет ... отдающий смолой*, которая соотносит *запах смолы* с эксплицитно не выраженным, но неявно присутствующим в тексте образом женщины, единственный раз представленным словосочетанием *твоя улыбка*.

Общность одористического кода (запах смолы), вполне естественно представляющего можжевельниковый куст (стих 5) и весьма необычно характеризующего лепет женщины (стих 11), дает основание говорить о глубокой смысловой связи и взаимной обусловленности образа *можжевельникового куста* и невербализованного образа *ты*.

Такое прочтение произведения приводит к интересному выводу: можжевельниковый куст, выступающий в начале текста как самоценный образ, в середине текста сливается с образом женской улыбки, а в последнем стихе он становится воплощением покинувшей поэта женщины. Поэтому, с нашей точки зрения, в эффектной концовке поэтического текста прощание вымалывается не для самого можжевельникового куста, а для претворенного в него инобытия образа *ты*.

Представленные выше наблюдения над стихотворением «Можжевельниковый куст» имели целью продемонстрировать трансформационный характер доминантного образа и вовсе не претендуют на полноценную интерпретацию поэтического текста, который содержит в себе целый ряд особенностей, интересных как с точки зрения имманентного анализа, так и в аспекте межтекстовых взаимодействий в контексте лирического цикла «Последняя любовь».

ВЫВОДЫ

Основной задачей нашей статьи было привлечение внимания к доминанте – почти забытому литературоведческому концепту, разработкой которого занимались русские формалисты и другие исследователи. Представленный в первой части нашей статьи краткий обзор должен был, во-первых, определить основные направления изучения доминанты в трудах этих исследователей, а во-вторых – выявить недостаточно разработанные аспекты проблемы. К таковым, в частности, относится изучение доминанты в поэтическом произведении.

В нашем исследовании мы сосредоточились на некоторых проблемах лексической доминанты, подразумевая под этим обозначением доминанту, порождаемую на уровне словообраза и/или словосочетания.

Однако доминанта может проявляться не только на лексическом и на более высоких, и на более низких текстовых уровнях.

Нам представляется, что дальнейшие исследования в этом направлении могут открыть интересные перспективы не только с теоретической точки зрения, но и в плане анализа поэтического текста.

ИСТОЧНИКИ

Блок, А.А., 1965. *Записные книжки. 1901-1920*. Москва: Художественная литература.

Заболоцкий Н.А., 1983-1984. *Собрание сочинений. В трех томах*. Москва: Художественная литература.

Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий, 2008. Н.Д. Тамарченко, ред., Москва: Изд. Кулагиной; Intrada.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд, И.В., 2010. *Стилистика. Современный английский язык*. Москва: Флинта.
- Виноградов, В.В., 1976. О поэзии Анны Ахматовой. В кн.: Виноградов В.В. *Поэтика русской литературы. Избранные труды*. Москва: Наука, сс.367-459.
- Жирмунский, В.М., 1977а. Валерий Брюсов и наследие Пушкина. Опыт сравнительно-стилистического исследования. В кн.: Жирмунский В.М. *Теория литературы. Поэтика. Стилистика*. Ленинград: Наука, сс. 142-204.
- Жирмунский, В.М., 1977б. Поэтика Александра Блока. В кн.: Жирмунский В.М. *Теория литературы. Поэтика. Стилистика*. Ленинград: Наука, сс. 205-237.
- Жолковский, А.К. и Щеглов, Ю.К., 1975. К понятиям «тема» и «поэтический мир». В кн.: *Труды по знаковым системам, VII*. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, сс. 143-167.
- Зарев, П., 1979-1981. *Теория на литературата в два тома*. София: Наука и искусство.
- Лотман, Ю.М., 1972. *Анализ поэтического текста. Структура стиха*. Ленинград: Просвещение.
- Ляшевская, О. Н. и Шаров, С. А. *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)* – <http://dict.ruslang.ru/freq.php?>
- Томашевский, Б.В., 1999. *Теория литературы. Поэтика*. Москва: Аспект Пресс.
- Тынянов, Ю.Н., 1977а. О литературной эволюции. В кн.: Тынянов Ю.Н. *Поэтика. История литературы. Кино*. Москва: Наука, сс.270-281.
- Тынянов, Ю.Н., 1977б. Тютчев и Гейне. В кн.: Тынянов, Ю.Н. *Поэтика. История литературы. Кино*. Москва: Наука, сс.350-395.
- Ханзен-Лёве, О.А., 2001. *Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения*. Перевод с немецкого С.А. Ромашко. Москва: Языки русской культуры.
- Христиансен, Б., 1911. *Философия искусства*. Перевод с немецкого Г.П. Федорова. Санкт-Петербург: Шиповник.
- Хэллiday, М.А.К., 1980. Лингвистическая функция и литературный стиль. Пер. с англ. Н.А. Левковской. В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика*. Москва: Прогресс, сс.116-147.
- Эйхенбаум, Б.М., 1969а. Анна Ахматова (Опыт анализа). В кн.: Эйхенбаум Б.М. *О поэзии*. Ленинград: Советский писатель, сс. 75-147.
- Эйхенбаум, Б.М., 1969б. Мелодика русского лирического стиха. В кн.: Эйхенбаум Б.М. *О поэзии*. Ленинград: Советский писатель, сс.327-511.
- Эйхенбаум, Б.М., 1925. *Теория «формального метода»* – URL: <http://www.opojaz>.

ru/method/method06.html [дата обращения:14.11.2022].

Эрлих, В., 1996. *Русский формализм: история и теория*. Перевод с английского А.В. Глебовской. Санкт-Петербург: Академический проект.

Якобсон, Р., 1923. *О чешском стихе, в сопоставлении преимущественно с русским*. Берлин – Москва: 1923.

Якобсон, Р., 1987. Заметки о прозе поэта Пастернака. В кн.: Якобсон Р. *Работы по поэтике*. Москва: Прогресс, сс. 324-338.

Якобсон, Р.О., 2011. *Формальная школа и современное русское литературоведение*. Перевод с чешского Е. Бобраковой-Тимошкиной. Москва: Языки славянских культур.

Ярхо, Б.И., 2006. Методология точного литературоведения. В кн.: Ярхо Б.И. *Методология точного литературоведения. Избранные труды по теории литературы*. Москва: Языки славянских культур, сс.3-400.

REFERENCES

Arnol'd, I.V., 2010. *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moscow: Flinta Publ. (In Russian).

Vinogradov, V.V., 1976. О поэзии Анны Ахматовой [On the Poetry of Anna Akhmatova]. In: Vinogradov V.V. *Poetika russkoy literatury. Izbrannye Trudy* [Poetics of Russian Literature. Selected Works]. Moscow: Nauka Publ., pp.367-459. (In Russian).

Zhirmunskiy, V.M., 1977a. Valeriy Bryusov i nasledie Pushkina. Opyt sravnitel'no-stilisticheskogo issledovaniya [Valery Bryusov and the Heritage of Pushkin. An Experiment in Comparative Stylistic Analysis]. In: Zhirmunskiy V.M. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika*. [Theory of Literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad: Nauka Publ., pp. 142-204. (In Russian).

Zhirmunskiy, V.M., 1977b. Poetika Aleksandra Bloka [The Poetics of Alexander Blok]. In: Zhirmunskiy V.M. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of Literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad: Nauka Publ., pp. 205-237. (In Russian).

Zholkovskiy, A.K. and Shcheglov, Yu.K., 1975. К понятиям «тема» и «поэтический мир» [To the Concepts of "Theme" and "Poetic World"]. In: *Trudy po znakovym sistemam, VII* [Proceedings on Sign Systems, 7]. Tartu: Tartu State Univ. Publ., pp. 143-167. (In Russian).

Zarev, P., 1979-1981. *Teoriya na literaturata v dva toma* [Theory of Literature in Two Volumes]. Sofiya: Nauka i izkustvo Publ. (in Bulgarian).

Lotman, Yu.M., 1972. *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha* [Analysis of the Poetic text. The Structure of Verse]. Leningrad: Prosveshchenie Publ. (In Russian).

Lyashevskaya, O. N. and Sharov, S. A. *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (based on the materials of the National Corpus of the Russian Language)] – <http://dict.ruslang.ru/freq.php?> (In Russian).

Tomashevskiy, B.V., 1999. *Teoriya literatury. Poetika*. [Theory of Literature. Poetics]. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russian).

Tynyanov, Yu.N., 1977a. О литературной эволюции. [On Literary Evolution]. In: Tynyanov Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ., pp.270-281. (In Russian).

Tynyanov, Yu.N., 1977b. Tyutchev i Geyne. [Tyutchev and Heine]. In: Tynyanov Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ., pp.350-395. (In Russian).

Hansen-Löve, A.A., 2001. *Russkiy formalizm: Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya*. [Russian Formalism: Methodological Reconstruction of Development Based on the Principle of Elimination]. Moscow: Yazyki

- russkoy kul'tury Publ. (In Russian).
- Christiansen, B., 1911. *Filosofiya iskusstva*. [*Philosophy of art*]. St. Petersburg: Shipovnik Publ. (In Russian).
- Halliday, M.A.K., 1980. Lingvisticheskaya funktsiya i literaturnyy stil'. [Linguistic Function and Literary Style]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. IX. Lingvostilistika*. [*New in Foreign Linguistics. Vol. 9. Linguistic Stylistics*]. Moscow: Progress Publ., pp.116-147. (In Russian).
- Eikhenbaum, B.M., 1969a. Anna Akhmatova (Opyt analiza). [Anna Akhmatova (Analysis Experience)]. In: Eikhenbaum B.M. *O poezii* [*About Poetry*] Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., pp. 75-147. (In Russian).
- Eikhenbaum, B.M., 1969b. Melodika russkogo liricheskogo stikha. [Melody of Russian Lyrical Verse]. In: Eikhenbaum B.M. *O poezii* [*About Poetry*]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., pp.327-511. (In Russian).
- Eikhenbaum, B.M., 1925. *Teoriya «formal'nogo metoda»* [*Theory of the "Formal Method"*]. URL: <http://www.opojaz.ru/method/method06.html> [Accessed 14 November 2022]. (In Russian).
- Erlich, V., 1996. *Russkiy formalizm: istoriya i teoriya*. [*Russian Formalism: History and Theory*]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian).
- Jacobson, P., 1923. *O cheshskom stikhe, v sopostavlenii preimushchestvenno s russkim*. [*About Czech Verse, in Comparison Mainly with Russian*]. Berlin – Moscow. (In Russian).
- Jacobson, R., 1987. Zametki o proze poeta Pasternaka [Notes on the Prose of the Poet Pasternak]. In: Jacobson R. *Raboty po poetike* [*Works on Poetics*]. Moscow: Progress Publ., pp. 324-338. (In Russian).
- Jakobson, R. O., 2011 *Formal'naya shkola i sovremennoe russkoe literaturovedenie*. [*Formal School and Modern Russian Literary Studies*]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. (In Russian).
- Yarkho, B.I., 2006. Metodologiya tochnogo literaturovedeniya. [Methodology of Exact Literary Criticism]. In: Yarkho B.I. *Metodologiya tochnogo literaturovedeniya. Izbrannyye trudy po teorii literatury*. [*Methodology of Exact Literary Criticism. Selected Writings on Literary Theory*]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., pp.3-400. (In Russian).

ԲԱՌԱՅԻՆ ԴՈՄԻՆԱՆՏԸ ԲԱՆԱՍՏԵՂԾԱԿԱՆ ՏԵՔՍՏՈՒՄ

ԼԵՎՈՆ ՀԱԿՈՒԹՅԱՆ

Ամփոփում: Հոդվածը ռուսական ֆորմալիզմի կարևորագույն հասկացություններից մեկի՝ «դոմինանտի» հետագա զարգացման փորձ է: Ֆորմալիստների՝ դոմինանտին նվիրված աշխատությունների ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ նրանք կենտրոնացած էին գրականության տեսական ընդհանուր խնդիրների հետազոտման վրա՝ նոր հասկացության տեսանկյունից, ուստի դոմինանտի քննությունը առանձին բանաստեղծության մեջ նրանց հետաքրքրության շրջանակներից դուրս էր: Այս հանգամանքը կանխորոշեց այս հոդվածի նպատակները՝ վեր հանել բանաստեղծական տեքստում դոմինանտի հիմնական խնդիրները և դիտարկել բառային դոմինանտի առանձնահատկությունները:

Առաջարկվող հայեցակարգը հիմնված է հետևյալ դրույթների վրա.

Դոմինանտը բանաստեղծական այն պատկերն է, որը գերիշխող է տեքստի մյուս պատկերների նկատմամբ: Տեքստում որպես դոմինանտ կարող է հանդես գալ միայն շեշտված բաղադրիչը: Շեշտման հիմնական ցուցիչը բանաստեղծական տեքստում որևէ տարրի ինտենսիվ կրկնությունն է, ուստի դոմինանտ կարող է լինել միայն կրկնվող բաղադրիչը:

Հայտնի է, որ բանաստեղծական կերպարը կարող է դրսևորվել տեքստի ցանկացած մակարդակում, հետևաբար բանաստեղծության մեջ դոմինանտը նույնպես կարող է իրականացվել տեքստի բոլոր մակարդակներում:

Կրկնությունների՝ *հպումային (կոնտակտային)* և *հեռավոր (դիստանտ)* ընդունված բաժանման տեսանկյունից դիտարկելով՝ կարելի է պնդել, որ բառայինից ցածր մակարդակներում կրկնությունները կարող են ընկալվել միայն հպումային դրսևորման դեպքում, մինչդեռ բառայինից բարձր մակարդակներում կրկնությունները կարող են իրականացվել միայն հեռավոր վերարտադրության պայմաններում:

Այս հակադարձ եզրերի միջին մասն է զբաղեցնում բառային կրկնությունը, որը կարող է լինել թե՛ հպումային, թե՛ հեռավոր:

Հպումային կրկնությունը հիմնականում կատարում է արտահայտիչ-հուզական գործառույթ, ուստի նրա դերը դոմինանտի ձևավորման գործում աննշան է:

Ավելի կարևոր է *հեռավոր* և հատկապես *սփռված կրկնությունը*, որը ենթադրում է տեքստի կրկնվող բաղադրիչների միջև բաժանաբար տարածության առկայություն և դրանց իրացում տարբեր միկրոհամատեքստերում:

Դոմինանտի կարգավիճակում հեռավոր կրկնությունն ունի մի շարք առանձնահատկություններ, որոնց շնորհիվ այն զանազանվում է այլ կրկնություններից. ա) դոմինանտը *զարգացող պատկեր է*, որի սկզբնական և վերջնական իմաստային չափանիշները միմյանցից տարբերվում են, բ) դոմինանտը *գեներատիվ պատկեր է*, որը առաջացնում է իրեն ուղեկցող մի շարք պատկերներ, որոնք նպաստում են դոմինանտի առաջնդմանը և տեքստում դրա ներկայության ընդլայնմանը:

Բանալի բառեր – *ռուսական ֆորմալիզմ, դոմինանտ, տեքստի մակարդակներ, բանաստեղծական պատկեր, հեռավոր կրկնություն*

НАИМЕНОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ, ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ**РУЗАН ГРДЗЕЛЯН**

Аннотация. Статья посвящена одному из важных для сопоставительно-семантического, лексико-типологического и лингвокультурного описания классов имен – наименованиям природных объектов. Во *Введении* статьи представлены теоретические постулаты, на которых основан анализ конкретных лексем: особая значимость наименований природных объектов для функционально-семантического и лексико-типологического анализа; соотношение предметности и признаковости в семантической структуре существительных – наименований природных объектов; наличие в дискурсе трех разных типов характеристик подобных имен – объективной, прототипической, субъективной).

В *основной части* статьи на примере сопоставительного анализа наименований водных природных объектов в русском и армянском языках представлены важные для подобного описания особенности рассматриваемых имен – соотношение предметности и признаковости в их семантической структуре, выявление набора семантических компонентов и их сопоставление, лингвокультурные особенности межъязыковых синонимов, а также типы характеристик данных объектов в дискурсе.

Дальнейший анализ основывается на сформулированной в статье рабочей гипотезе: чем больше в смысловой структуре слова признаков элементов смысла, тем менее частотно в текстах распространение слова определениями.

В *заключительной части* статьи представлены выводы, основанные на полученных данных, а также некоторые аспекты методики описания наименований природных объектов – 1) анализ и сопоставление словарных статей, направленный на выявление набора семантических компонентов, что, в свою очередь, поможет установить «лишние» компоненты в одном из рассматриваемых языков, а следовательно, семантическую разницу между исследуемыми словами; 2) анализ и сопоставление группы тематически смежных лексем, что поможет установить степень таксономической глубины исследуемых групп слов; 3) анализ корпуса текстов, позволяющий выявить сочетаемостный потенциал лексем, пути и способы расширения их смыслов с помощью определений, метафоры, а также возможных запретов, налагаемых на распространение слов определениями и пр.; 4) анализ семантики и словоупотребления производных.

Ключевые слова: *наименования природных объектов, семантические, лингвокультурные, типологические особенности, предметность, признаковость, типы характеристик объекта*

NAMES OF NATURAL OBJECTS: SEMANTIC, LINGUOCULTURAL AND TYPOLOGICAL FEATURES

ROUZAN GRDZELYAN

Abstract. The article is devoted to one of the important for the comparative-semantic, lexico-typological and linguocultural description of the classes of names - the names of natural objects. On the example of the analysis of the names of water natural objects the article presents the features of names that are important for such a description - the ratio of objectivity and attributivity in their semantic structure, the types of characteristics of these objects in discourse, some aspects of the methodology for describing the names of natural objects - analysis and comparison of dictionary entries, groups of thematically related lexemes, analysis of the corpus of texts, the semantics and word usage of derivatives.

So in the *main part of the article*, on the example of a comparative analysis of the names of water natural objects in the Russian and Armenian languages, the features of the names under consideration that are important for such a description are presented - the ratio of objectivity and attributivity in their semantic structure, identification of a set of semantic components and their comparison, linguistic and cultural features of interlingual synonyms, as well as types of characteristics of these objects in discourse.

Further analysis is based on *the working hypothesis* formulated in the article: when in the semantic structure of the word are the more attributive elements of meaning, then in the texts are less often the extension of the word by definitions.

The *final part of the article* presents conclusions based on the data obtained, as well as some aspects of the methodology for describing the names of natural objects - 1) analysis and comparison of dictionary entries, aimed at identifying a set of semantic components, which, in turn, will help to establish "extra" components in one of the languages under consideration, and, consequently, the semantic difference between the studied words; 2) analysis and comparison of a group of thematically related lexemes, which will help to establish the degree of taxonomic depth of the studied groups of words; 3) analysis of the corpus of texts, which makes it possible to identify the compatibility potential of lexemes, ways and means of expanding their meanings with the help of definitions, metaphors, as well as possible prohibitions imposed on the distribution of words by definitions, etc.; 4) analysis of semantics and word usage of derivatives.

Keywords: *names of natural objects, semantic, linguocultural and typological features, objectivity, attributivity, the types of characteristics of objects*

Введение

Как известно, каждый язык формирует свое видение реальной действительности, свою уникальную, самобытную и неповторимую картину мира. Субъект находится во власти языкового видения окружающего и в обыденности воспринимает мир таким, каким он представлен в языке. Однако отношения между наблюдающим мир субъектом и тем объектом, на который он смотрит и который он видит, куда более сложны. О видении и восприятии человеком мира написано множество книг – научных, философских, художественных. Описано немало причин, механизмов и тонкостей субъективного восприятия мира. Однако все извилистые пути и тропы психологии субъективного мировидения, его причин и механизмов

неизменно приводят к «хранилищу» мыслей, к «океану» вербализованных идей - языку, обогащая при этом и расширяя его словарь, его сочетаемостные возможности, его картину мира.

Наименования природных объектов. Особую значимость для описания специфики языкового выражения объективной действительности имеют природные объекты, которые, казалось бы, константны, не субъективны и не подвержены каким-либо видимым изменениям (об особенностях лексической сочетаемости природных объектов, а также предметных имен см. Норманская, 2005; Рахилина, 2008). Однако небеса, моря и океаны, леса и горы – все, что окружает человека, преломляется сквозь призму языкового и субъективного видения, расширяется различными производными, определениями, сравнениями, перифразами, иными тропическими средствами выражения. И именно на этом участке языка, в процессе речетворчества зарождается всё этноспецифическое, самобытное, индивидуальное.

Крупные природные объекты – солнце, небо, море, горы – наиболее константны, они вписаны в пейзаж, являются его неизменным элементом, что не может не влиять на их восприятие, а следовательно, на особенности словоупотребления. Таким образом, наименования природных объектов, вписанных в пейзаж, по-видимому, обладают некоторой языковой спецификой. Как правило, подобные природные объекты обладают также изменчивостью цвета и света, что не может не сказаться на сочетаемостных возможностях именующих эти объекты слов. Все указанные особенности природных объектов, проходя сквозь призму субъекта, находят выражение в языке. Субъект при этом выступает в различных ипостасях – субъект фиксирующий, наблюдающий, оценивающий, переживающий, субъект-носитель состояния.

Предметность и признаковость наименований природных объектов. Наряду с категориальным значением предметности у некоторых существительных в определенной мере может проявляться значение признаковости, которое, не являясь для имени существительного категориальным, тем не менее может быть ему присуще, то есть может входить в состав его сигнификата. Например, в состав сигнификата слова «солнце» могут входить такие семантические компоненты, как 'яркое', 'жаркое', 'ослепительное'. Эти семантические компоненты можно считать объективными, данными слову изначально, они интегрированы в слово, слово их носит в себе и привносит в контекст. В некоторых случаях они могут быть «вынесены за скобки» и представлены в виде словосочетаний, близких к плеоназму, ср. *яркое солнце, жаркое солнце*. Подобные семантические компоненты можно считать «внутренними», «объективными» признаками предмета, которым противопоставлены «внешние», «субъективные» признаки, приписываемые слову извне субъектом наблюдающим и оценивающим, ср. *солнце рассветное, летнее, низкое, долгожданное, розовое, белое, красное, малиновое, оловянное, апельсиновое, яркогубое, прохладное, величественное, скупое, сдержанное, капризное, безбрежное, реальное, влажное, тяжелое, избыточное, облаглевшее, дикое, ласковое* и т.д. (см. о потенциальных и скрытых семах в Арнольд, 1979, сс.10-12; Макалова, Стернин, 2019, сс.38-41). Соотношение предметности и признако-

ности различно у разных классов существительных. В структуре значения наименований таких природных объектов, как солнце, небо, океан, море, река, озеро, присутствует признаковость. Безусловно, это предметы внешнего мира, но это такие предметы, в смысловой структуре которых есть признаковые семантические компоненты. Так, небо - '*обширное, бескрайнее* пространство над землей', океан - '*обширное* водное пространство', море - '*большое* водное пространство', озеро - '*большой* водоем', река - '*большой* поток воды'. Как видно из данных определений, такие признаки, как 'обширный', 'бескрайний', 'большой' входят в сигнификаты указанных слов и влияют на их употребление, лексическую сочетаемость, могут вовлекать в свою орбиту лексемы со смежными признаками / значениями, формируя специфические контексты. Ср.: *Огромное, серьезное море простиралось до горизонта водой* (Нагибин); ... *тихо шумит огромное море* ... (Шукшин); ... *там в огромном мерцающем пространстве угадывалось море* (Аксенов); ... *над ним сомкнулось мутно-зеленое колеблющееся бесконечное море* (Домбровский); ... *море и скалы были слишком вечны и необъятны* (Меттер); ... *в великом море островам просторно* (Цветков); *Море лежало передо мной громадное* ... (Воронин); *Она, как лодка в бурю в открытом и грозном море* ... (Слуцкий); *Море уже не казалось отсюда гладью: беспредельное, неохватное, оно сливалось с небом, образуя с ним единую сферу — купол, царящий над всем зримым простором* ... (Нагибин) (Здесь и далее приводимые из художественной литературы контексты см. в ■ ВАНК; ■ НКРЯ).

Таким образом, вопрос о соотношении предметности и признаковости в сигнификате существительных можно считать одним из наиболее существенных при анализе их смысловой структуры и условий употребления. Исходя из этого постулата можно сформулировать следующую гипотезу: чем больше в смысловой структуре слова признаков элементов смысла, тем менее частотно в текстах распространение слова определениями. Так, например, слово «море» в большинстве контекстов выступает самостоятельно, без поддерживающего его определения.

В связи со сказанным возникает и следующий вопрос: различаются ли с этой точки зрения языки? Так, исследуя семантику и употребление слова «солнце» - *shri* в армянском языке, мы пришли к заключению о том, что это слово является более «признаковым», чем «предметным» (Грдзелян, 2014, с.238-244; Грдзелян, 2015, с.43-45). В мировосприятии армянина солнце - *shri* [arev] (Здесь и далее армянские буквы отображаются в виде традиционной научной транслитерации Хюбшмана-Мейе) скорее не объект, а окружающая, «окутывающая» его среда (ср. более «предметный», «объективированный» синоним слова «*shri*» - «*shriqshiq*» [aregak], воспринимаемый именно как уникальный объект внешнего мира, на который можно указать остенсивно). Для русскоговорящего же солнце более опредмечено, более «наблюдаемо» как объект, соответственно охотнее притягивает к себе атрибутивы и как наблюдаемый предмет внешнего мира чаще нуждается в определениях. Следовательно, в корпусе армянских текстов, по сравнению с корпусом аналогичных русских текстов, относительно мало словосочетаний

типа «атрибутив + существительное».

Типы характеристик объекта. Таким образом, человек смотрит на окружающий его мир, наблюдает за ним и, проводя сквозь призму своего сознания, своего мировосприятия, видит его особым образом, присущим только ему как представителю этноса или как индивиду. И видение это отражается в том числе на характеризующих объект определениях. С этой точки зрения можно выделить разные типы характеристик объекта.

Объективная / реальная характеристика – характеризую, описываю то, что вижу в реальности, что мне представляется объективным. Ср.: *Было холодное синее море ...* (Ким); *Серое море было замкнуто со всех сторон голубоватыми горами и холмами* (Дьяконов); ... *бездонное море было одновременно и прозрачным и темнозеленым, какого-то невообразимо волшебного цвета; а в сторону горизонта море было ярко-синим и в отдалении — голубым* (Дьяконов).

Прототипическая, стандартная характеристика – характеризую так, как принято характеризовать в данном языковом сообществе. Как правило, это постоянные эпитеты или определения-штампы, которые чаще всего употребляются «ритуально» и не стремятся к адекватному описанию реальности. Так, в русском языке словосочетание *синее море / сине море* является речевым штампом, где прилагательное «синее» выполняет функцию постоянного эпитета. Ср.: *Синее море, белый пароход* (из песни); *Чернеет синее море...* (Вирабов); *Я-то совсем другое пишу: белые яхты, синее море...* (Браво). Ср. в армянском языке постоянный эпитет к слову «ծով» - ծով ծիրանի: *Երկնէր երկին եւ երկիր, երկնէր եւ ծիրանի ծով / Վահագնի ծնունդը; Գնաքեզ համար դու ծիրանի ծով ու այնտեղ փրկիր արևիկę ու զածով / Քալանթարյան; Օրհանի ծով է այս լերջալույսը / Թորոնկենց/.*

Индивидуальная, субъективная характеристика – характеризую не так, как есть / должно быть в реальности, а так, как видиться / хочется видеть именно мне как субъекту переживающему, как «художнику», живописующему словами. Ср.: *море обветшавшее* (Кенжеев); *ветреное* (Сапгир); *кипящее* (Кекова); *вздыбленное* (Охапкин); *заморское* (Чиннов); *окном разрезанное; горизонтальное море, крашенное закатом* (Бродский); *невесомое, как воздух* (Сельвинский); *ненадежное* (Нарциссов); *одичалое* (Рубцов); *широкоплечее* (Елагин); *неукротимое* (Андреев); *трепетное* (Берггольц); *дельфинье* (Лившиц); *гнилое* (Ушаков); *хмурое* (Ладинский); *тревожное* (Иванов); *гладкое скользкое* (Вс. Рождественский); *хлопкое* (Тарловский); *спящее* (Петровых); *барашиковое* (Мандельштам); *безрыбое* (Маяковский); *радостное* (Саша Черный); *пустое; озерное море, ... священный Байкал* (Северянин); *гневливое* (Тарковский); *басурманское; злое* (Багрицкий); *косматое* (Антокольский); *горькое* (А. Белый); *волна наклонённых растений в наклонное море ушла* (Юрьев); *если б не жило плоское море с плоским небом* (Кривулин); *море стеклянное, подобное кристаллу...* (Кригер); *потайное море шумит во мраке* (Айзенберг); *сначала в облачный сосок всосалось взвинченное море* (Мартынов); *черное расплеснутое море* (Бальмонт).

Основная часть

Нами будут рассмотрены наименования крупных природных водных объектов в русском и армянском языках с точки зрения их семантики, лексической сочетаемости (преимущественно словосочетания «атрибутив + существительное»), лингвокультурных и типологических особенностей. Подобное описание может внести определенный вклад в разработку методики лексико-типологических исследований.

Океан – **Օվկիանոս / օվկիան / ովկիանոս**. Самый крупный водный объект в природе, в то же время относительно «чуждое» слово в обоих языках и лингвокультурах. Возможно, это каким-либо образом связано с масштабами объекта (*Океан был вам велик как не вместимое Начало ...* Скорик), возможно, с географической отдаленностью от «эпицентров» армянской и русской культур, лингвокультур, порождающих концепты, символы и мифы. Этими же факторами, вероятно, обусловлено достаточно редкое распространение этого слова определениями. Так, нами методом сплошной выборки рассмотрено более 6 тысяч контекстов в основном и поэтическом корпусе НКРЯ, из которых только 58 контекстов содержали цветовые характеристики объекта. Ср.: *Темный стальной океан сверкал так, что больно было смотреть* (Б. Хазанов); *Голубой океан расстилается со всех сторон — беспредельный, необъятный, необыкновенно красивый* (Станюкович); *... плещется о берег лазоревый океан...* (Беломлинская); *Был океан лазурно-фиолетов...* (Чиннов); *Синий океан был необъятно ласков* (А. Н. Толстой); *Качанье волн, и черный океан...* (Гиппиус); *Шумит седой океан* (Шергин); *Сплошной ливень вспенил белый океан* (Маяковский); *Океан сегодня розоватый* (Букша). Отметим, однако, что Словарь эпитетов фиксирует 54 эпитета-атрибутива к данному слову, из которых только 4 цветовых определения (Горбачевич, Хабло, 1979). При этом многие из приводимых эпитетов являются синонимичными или тематически близкими словами. Если же сгруппировать их согласно общему семантическому компоненту, то количество рассматриваемых определений сократится до 14-15-ти слов.

Примечательно, что в ВАНК слово *օվկիանոս*, представленное в 450-ти контекстах, включает только одно цветовое определение: *... անսահման մանրշաղագույն օվկիանոս... /Ուֆֆի/*. Однако Толковый словарь современного армянского языка Эд. Агаяна (Աղայան Է., 1976) фиксирует два варианта этого слова – *օվկիանոս* [ōvkianos] и *օվկիան* [ōvkian]. Первый вариант – *օվկիանոս* - обозначает исключительно географический объект и имеет только одно значение 'межматериковое обширное водное пространство'. Данный факт находит подтверждение и в Толковом словаре армянского языка С. Малхасянца (Մալխասյանց, 1944-1945), где лексема *օվկիանոս* (при отсутствии варианта *օվկիան*) имеет три значения – ▪ 'имя Бога морей в греческой мифологии'; ▪ 'обширное пространство соленой воды, омывающей материк'; ▪ 'название (второе) Атлантического океана'. Таким образом, вариант слова *օվկիանոս* фактически не имеет вторичных значений (нами сознательно

не учитывается происхождение этого слова и, соответственно, перенос наименования с греческого имени собственного на известный географический объект). Отсутствием вторичных значений, вероятно, обусловлено также и отсутствие при данном слове определений.

Второй же вариант, наряду с основным, первичным, значением, имеет и другие, вторичные, значения: ▪ 'обширное, бескрайнее пространство [космический океан]'; ▪ 'сфера / средоточие / водоворот каких-либо значительных / бурных событий'; ▪ 'источник чего-либо неисчерпаемого [океан страстей, горя]'; ▪ 'неизмеримое количество чего-либо / большое скопление / толпа'. Ср.: *Աշխարհը ծով է, օվկիան ...* /Օրրոյան/; *Մի օվկիան է անցալն հայոց/Շիրազ/; Արեգալն, օվկիան զորոյթան ...* /Զարենց/.

В ВАНК представлено всего 84 (поэтических) контекста со словоформой *օվկիան*, но при нем встречаются определения, ср.: *Օրն աղոթքնէրի օվկիան է անծիր ...* /Դավոյան/; *Երկինքը պարզ է այնպէս, ասեմ օվկիան լինի լուրթ* /Սարսեն/; *Երկինք ձերսակ ու օվկիան կապոյտ ...* /Օրրոյան/; *անտակ մի օվկիան ...* /Ն. Զարյան/; *Եվ զմայլանքս օվկիան էր անախ ...* /Միրիջանյան/; *այէկոծ օվկիան* /Գահալյան/.

Таким образом, анализ словарных толкований русской и армянской лексем дает основание заключить, что армянская лексема имеет больше значений и, соответственно, больше семантических компонентов в своем составе. Следует, однако, отметить, что формальный учет количества значений в словарных статьях не может являться достаточным условием для подобного заключения. Так, например, в некоторых толковых словарях русского языка значение 'необъятная, неизмеримая масса чего-либо' не выделяется в отдельное значение, а включается как оттенок значения, переносное употребление (Ожегов, 2012). Важным фактором в данном случае является общее количество семантических компонентов. Сравним с этой точки зрения семантические компоненты русской лексемы *океан* и двух армянских вариантов той же лексемы - *օվկիանու* и *օվկիան*. В структуре лексического значения русской лексемы выделяются следующие его компоненты: ▪ 'вода', ▪ 'обширность / необъятность', ▪ 'пространство', ▪ 'количество / множество / масса', 'неизмеримость'.

В структуре лексического значения соответствующих армянских лексем выделяются такие семантические компоненты, как ▪ 'вода', ▪ 'обширность / необъятность', ▪ 'пространство' → '**сфера / арена (событий) / водоворот (событий)**', ▪ 'неисчерпаемость' → '**источник (чего-либо неисчерпаемого)**', ▪ 'количество / множество / масса', ▪ 'неизмеримость'. Таким образом, выявление семантических компонентов русской и армянской лексем позволяет нам утверждать, что объем сигнификата армянской лексемы несколько шире объема сигнификата соответствующей русской лексемы (о сопоставительном анализе значения слова см. в Конопелько, 2019, с.27-30).

Кроме того, армянская лексема *օվկիանու* имеет такой производный глагол, как *օվկիանալիսի* – 'стать океаном, превратиться в океан'; 'перен.

увеличиться, стать громадным как океан'. Ср.: *Օվկիանացավ աստղահալըրը, / Դարձավ արև շարժալից, / Մոլորակներ տառաջան / Արևային պայթյունից / Ասլանյան /*

Море – Օնվ. Две реалии – океан и море, реалии почти неразличимые в наивной картине мира. Два близких по значению и употреблению слова. Не случайно, что и в русском, и в армянском дискурсах, текстах различного характера они нередко выступают как близкое к слову лексическое целое, как некий лексоид или разновидность редупликации. Ср.: *Есть море-океан, на том море-океане есть бедный камень Алтор ...* (Шолохов); *Море-океан было недалеко ...* (Алешковский); *При Гомере греки представляли себе Землю большим кругом, по краю которого течет Океан — не море-океан, а река-океан, граница вселенной* (М. Гаспаров); *Ты строй мне дом, но с окнами на запад, / Чтоб видно было море-океан ...* (Васильев); *Ամպը վերից / Ջիլ սահելով, / Գնաց հաւասով / Օվկիան ծովին / Խնկոյան /*; *Օնվ ու օվկիան փոթորկվել, — կոհակվում են ծանրադեզ / Մոլորեցյան /*; *Ծառ ու ծաղկունք, ձոր ու դաշտ / Օվկիան ու ծով, ու լեռներ սեզ / Միրիջանյան /*

Однако в дискурсах обоих языков само слово «море», пожалуй, является более «важным», более значимым, чем лексема «океан», как с точки зрения частотности их употребления, так и с точки зрения смыслового объема. И тем не менее нельзя не задаться вопросом – равноценны ли с этих точек зрения русское слово «море» и армянское слово «ծով» [cov]?

Толковые словари русского языка фиксируют от двух до шести значений и оттенков значений этого слова (Здесь и далее мы будем ссылаться на словари: ■Ожегов, 2012; ■Ефремова, 2005; ■Толковый словарь русского языка под ред. Ушакова, 1935 – 1940; ■Словарь русского языка под ред. Евгеньевой, 1981—1984; ■Даль, 1955).

■ 'часть океана' (а также 'очень большое озеро с горько-соленой водой', ср.: *Это было, когда старец Лаврентий привел свою паству за море Байкал* (Залыгин); 'крупный искусственный водоем', ср.: *Вышли мы, наконец, из Волги в Рыбинское море* (Казаков); Ср. также в армянском языке: *Ընդհանրապես սեր նախնիները Հայկական բարձրավանդակում գտնվող լճերին ծով են անվանել, ավելի փառաբանական ձևով՝ ծովակ / Ավետիսյան /*

■ в ед.ч. 'водная поверхность земного шара');

■ 'большое количество чего-нибудь'; 'обширное пространство чего-либо', ср.: *Море битого, обугленного кирпичи* (Лимонов); *Тишина, море зелени* (Дина Рубина); *зеленое море тайги* (из песни).

Толковый словарь армянского языка Эд. Агаяна фиксирует 16 значений лексемы «ծով». Наряду с имеющимися в русском языке значениями, в армянском языке фиксируются также и другие: ■ 'обильно пролитые кровь, слезы, пот и т.д.', ср.: *Ասիսըր ասել էր, չէր ասել, թագավոր թուր հանեց գարկեց, արյունք ծով արեց / Բալունց /*

■ 'обширное пространство, покрытое слоем чего-либо', ср.: [*море песка, зелени, фруктов, фруктовых деревьев*], *Մարի կողերին վրանների ծով*

/Բսահակյան/; *Կարծես արծաթի ծով էր ընկել: Պսպղում, փայլփղում էր շուրջը /Յր. Քոչար/; Մի ամիս հետո այս ձորն ուղղակի ծաղիկների ծով կդառնա /Խանգաղյան/; Երկինքը սնով է կանաչը ծով է իմ վարդ քաղաքի /Ժող. երգ/;*

▪ 'величина, сила, глубина чувств или ума, интеллекта', ср.: [*море го-ря, чувств, мыслей*]; *Ու աչքերը իմ / Կարոտի ծով են ակամա դարձել /Բոյաջյան/;*

▪ 'неограниченность, неиссякаемость чего-либо', ср.: *Վշտերու ծով /Ն. Չարյան/; Առավոտն անծայր ծով է զարդերի /Դավոյան/; Մեղքերս ծով են /Օրրոյան/; Դառած հույսի ծով աչքն հայոց /Շիրազ/;*

▪ 'владение чем-либо неограниченным, неиссякаемым', ср.: *Մայրթ-Նովա իսկը ծով և –* ср. буквальный перевод: [*Саят-Нова есть море ума*]; *Գթառատ խնորի ծով պաշար ուներ /Հարությունյան/;*

▪ 'глубина, сущность (сущностная глубина) души, сердца, мыслей и пр.', ср.: *Միրուդ հողմը արտիս ծովն է հուզել /Մահարի/ - [Буря твоей любви взволновала море моего сердца];*

▪ 'обширная / всепоглощающая сфера, среда чего-либо', ср.: [*море жизни, море мира, море подлостей и козней*]; *Կհանգնի տխուր քուին մեր լեռան, / Լուր ակնածելու Հայաստանս ծով /Մետաքսե/ - [Встанет грустно на плече нашей горы, чтобы молча почитать Армении моей море / море-Армению мою]; Բայց դեռ Մասիսը իմ թափն է դատարկ / Սյն էլ նր տարվա այս ծով գիշերով /Շիրազ/;*

Ср. также употребление слова «ծով» в атрибутивной функции:

▪ 'синий как море, глубокий, привлекательный, пленительный, как море', ср.: *ծով աչքեր – [море глаза]; Այդ գունատ աղջիկը, ծով աչքեր ուներ /Արամյան/; Միրամարգ ես դու, գեղգեղուն թռչնակ, / Օսով աչքեր ունես ծով երկնքի պես... /Բրուսյան/;*

▪ 'обильный, густой, роскошный', ср.: *ծով մազեր – [море волосы];*

▪ 'безграничный, очень большой, неиссякаемый', ср.: *ծով կարոտ՝ վիշտ՝ տառապանք – [море тоска, горе, мучения]; Զրկանք կրել, հոգս են տարել այս ձեռքերը ծով լռությամբ, համբերությամբ /Սևակ/ - [Испытали лишения, заботились эти руки с море молчанием, море терпением]; Նա, որ ինձ ծով քնքանքով օրոք է տարել /Մահյան/; Եվ հավատում եմ՝ նրա ծով իսկրին /Սևակ/; Բայց թե խաբեն, որպես մանկան, / Իմ ծով հույսերն ինձ էլ մի օր /Շիրազ/;*

▪ 'многочисленный, неисчислимый', ср.: *Մի բոլոր ազգը մի ծով բազմանա /Շիրազ/ - [Горсть народа / малочисленный народ море / как море умножится];*

▪ 'очень сильный, мощный', ср.: *Ես քո ծովն եմ սուզվել, Բիլ ծովում ծով ձայնիդ ... /Մահարի/ - [Я в твое море погрузился, в голубом море твоего море голоса ...]; Զոթ տարվա ցավերը ծով մի համբույրով ցրվեցին /Շիրազ/ [Боль семи лет рассеялась море поцелуем].*

Наблюдение над корпусами русских и армянских текстов позволяет нам сделать вывод о том, что в армянском дискурсе слово «ծով» переносно употребляется значительно чаще и шире, чем слово «море» в русском дискурсе. Обусловлено ли это какими-либо причинами?

Море субъектом смотрящим, видящим и наблюдающим выступает в различных ипостасях – с одной стороны, как элемент пейзажа / «пейзажная картинка»; с другой же стороны - как природная / водная / морская стихия, имеющая бескрайнее пространство, бездонную глубину, неизмеримый водный объем. И эта стихия отражается в наивной картине мира как нечто непостижимое, неподвластное человеку, внушающее ему восторг, страх, трепет. Восприятие моря как «пейзажной картинки» в большей степени способствует расширению понятия «море» в дискурсе с помощью эпитетов – цветowych, световых, звуковых и пр. Восприятие же моря как природной стихии в меньшей степени способствует расширению этого понятия эпитетами, но при этом в большей степени способствует его метафоризации. В русской и армянской языковых картинах мира два видения моря «соперничают», и берет верх одно из них. Наблюдения над корпусами русских и армянских текстов позволяет нам сделать предварительный вывод о том, что в русской языковой картине мира – море в большей мере элемент пейзажа, «пейзажная картинка», которая часто видится в красках, ср.: *Лучшими из интерьеров он считал небо и море* (Варденга).

В армянской же языковой картине мира море - это в первую очередь большой водный объём, большое пространство (и это отражается в структуре лексического значения), что в некоторой степени препятствует активному расширению слова «море» с помощью эпитетов, но способствует более широкой метафоризации данной лексики: метафорический потенциал армянского слова «ծով» выше, чем метафорический потенциал русского слова «море» (см. Литвинова, 2019).

Возможно, в том числе и этим объясняется столь детальное толкование данной лексики в толковом словаре армянского языка Эд. Агаяна.

Следует, однако, отметить, что в русском дискурсе есть употребления слова «море», схожие с аналогичным армянским словом. Ср.: *море неведения* (Голядин); *море всяких страданий* (Апухтин); *море мучений* (Сковорода); *море нестабильности* (Соколова); *море чувств* (Ярмолинцев); *море благодати* (А. Русских); *море адреналина* (Лисин); *море знаний* (Ильин); *море спокойствия и уверенности* (Дигол); *море огня* (Колмогоров); *море зыбучих песков* (Колмогоров); *море милосердия Божия* (Селедцов).

Однако сочетания типа «море + род. пад.» (*море чувств, мучений, страданий, знаний* и пр.) в толковых словарях русского языка толкуются исключительно с помощью семантических компонентов 'большой', 'количество', тогда как, например, в толковом словаре современного армянского языка Эд. Агаяна подобные сочетания толкуются более детально с помощью других семантических компонентов. Ср. семантические компоненты, выделяемые в толкованиях слов «море» и «ծով»:

«Море»: ▪ 'вода'; ▪ 'часть океана' → 'большой объем'; ▪ 'большой водоем' → 'большой объем'; ▪ 'большая поверхность (о морской воде)'; ▪ 'обширное пространство'; ▪ 'большое количество'.

«Օւիւ»: ▪ 'вода'; ▪ 'часть океана' → 'большой объем'; ▪ 'большой водоем' → 'большой объем'; ▪ 'большая / обширная поверхность'; ▪ 'обширное пространство / сфера / среда (о нематериальных объектах)'; ▪ 'большое количество / неисчислимость / множимость'; ▪ 'обильность (о жидкости)'; ▪ 'неиссякаемость (об эмоциях)'; ▪ 'величина, сила, глубина (об эмоциях / интеллекте)'; ▪ 'глубина, сущность (об эмоциональной и ментальной сферах)'; ▪ 'обильность / густота (о неисчислимых объектах)'; ▪ 'сила / мощь'.

В свою очередь перечисленные семантические компоненты можно свести к более абстрагированным семантическим элементам / семам, что позволяет нагляднее увидеть разницу между лексическими значениями рассматриваемых лексем, ср.:

«Море»: 'вода'; 'большой'; 'объем'; 'поверхность'; 'пространство'; 'обширность'; 'количество'.

«Օւիւ»: 'вода'; 'большой'; 'объем'; 'поверхность'; 'пространство'; 'обширность'; 'количество'; 'неиссякаемость'; 'величина'; 'глубина'; 'обильность'; 'густота'; 'сила / мощь'.

Еще более обобщив семантические составляющие данных лексем, можно прийти к заключению, что все их вторичные значения сводимы к семе 'очень', вследствие чего слово «море» / «Օւիւ» в сочетаниях с другими словами реализует лексическую функцию Magn, ср.: море зелени → очень много зелени; море неведения → очень много неведения; ծաղիկների ծով → очень большое пространство цветов / очень много цветов; ծով իւելք → очень много ума и т.д.

Некоторую информацию об определенных этноспецифических и лингвокультурных особенностях могут дать производные. Так, наряду с общим для многих языков и нейтральным в лингвокультурном отношении производным – относительным прилагательным «морской» / «ծովային», в русском языке есть производное существительное-димиутив «морюшко», активно употребляемое в устном дискурсе, а также в фольклоре, ср.: *И не счесть, сколь спущено во сине морюшко добра и силов, земных и небесных* (Леонов); *Понеси мое горюшко в синее морюшко-океан* (Из диалектологического корпуса).

В армянском же языке, наряду с многочисленными композитами и димиутивом «ծովալի», есть также многозначный глагол «ծովանալ», который, вместе с такими значениями, как 'стать морем'; 'образовать море'; 'образовать лужу / застой', имеет также переносные значения. Представим их в обобщенном виде: ▪ о людях: 'собраться / столпиться, образовав неисчислимое множество / полниться / заполонять', ср.: *Այրուձին ղըրի գալով գորանցներից ծովանում էր հրաշարապետ / Մարգարան*; ▪ 'увеличиться / приумножиться / стать обильным', ср.: *Եվ ամանի հետ ծովանում էր հույսը ուկի / Դավթյան*; ▪ о чем-либо в физическом про-

странстве: 'распространяться / безгранично простираться / шириться', ср.: *Ծովանում էն ցրեկնի արտերը*, ▪ 'распространяться вокруг / обволакивать', ср.: ... *հանգում էր խաղաղ երեկոն ու մուրթ գետի նման ծովանում էր* /Դեմիրճյան/; *Ծով ծաղիկների բույրը ծովացել էր այնտեղ* /Գուհախյան/; ▪ 'наполниться, заполнить', ср.: *Մոռ աչքերը ծովանում էին* /Բեւ/; ▪ 'непомерно разбогатеть'.

Семантика армянского глагола «ծովանիլ» лишний раз свидетельствует о том, что в мировосприятии армянина море в первую очередь видится не как «пейзажная картинка», а как природная стихия, и с ним прежде всего ассоциируются, через его образ мыслятся различные представления о величине, объеме, пространстве, глубине, силе и мощи. Субъект смотрящий, видящий и наблюдающий ассоциирует с морем обширные пространства, неисчислимы количества, глубокие чувства, мощные звуки, непомерные богатства.

В каждом языке, в каждом дискурсе есть подобные употребления слова «море», однако в некоторых из них, например, в русском дискурсе, с морем все-таки, прежде всего, ассоциируется некая «пейзажная картинка». По словам Александра Грина, «когда произнесешь это слово, кажется, что вышел гулять, посматривая на горизонт».

Таким образом, в море как природном феномене совмещены сила стихии и красота, но в одних лингвокультурах сила проступает сквозь красоту, в других же – красота проступает сквозь силу.

Озеро – Հրձ. В наивной картине мира человека такие водные объекты, как океан, море, озеро, объективно отличаясь друг от друга, тем не менее воспринимаются как понятия близкие или, точнее, как плавно переходящие друг в друга: есть океан, есть море, но есть также море-океан, есть море «настоящее» - Черное, Красное, Балтийское, но есть также большое, а потому похожее на море, озеро – море Байкал, Չիւիւ ծով, Սիւիւ ծով. Озеро в этой триаде – самый «малый» объект, «лазурный глаз земли» (Цветков).

В отличие от слова «море», слово «озеро» имеет ограниченный набор значений. Однако и в этом случае наблюдается разница между русской и армянской лексемами. В русских словарях «озеро» фиксируется как однозначное слово - 'замкнутый в берегах большой естественный водоём', в армянском же языке слово «հրձ» [lič] является многозначным – ▪ 'замкнутый в берегах большой естественный или искусственный водоем'; ▪ 'собравшаяся / застоившаяся где-либо вода'; ▪ 'обильно пролившаяся / текущая / налитая жидкость'. Как в русском, так и в армянском языке подобные употребления весьма тривиальны и обычно не представляют интереса с семантической и лингвокультурной точек зрения. Однако сравнение армянских и русских контекстов с данными лексемами, особенно в их переносном употреблении, возможно, могут выявить различия в употреблении рассматриваемых слов.

В данном случае мы будем отталкиваться от словоупотреблений армянских многозначных лексем «հրձ» / «լճիկ». Так, если в русском языке

слово «озеро» является обозначением только естественного водоема, то армянское слово «լիճ» обозначает также искусственный водоем, то есть совмещает значения русских лексем «озеро» и «пруд», ср.: ... *այստեղ լիճ են կառուցում լեռնի հարսանիքի խնջույքի համար* /Թոթովենց/; Ср. также перевод топонима «Патриаршие пруды»: ... *Բրննայա փողոցով գալիս էին Պատրիարքական լիճ* /Բուլգակով/. Можно сделать вывод о большей лексической детализации понятия 'водоем' в русском языке: «լիճ» - «озеро», «пруд».

Армянская лексема «լիճ» включает также в состав своего лексического значения семантику русских слов «запруда» («образовать запруду»), «разлив», ср.: *Գետակի մարամարուր ջրերը, կուտակվելով ժայռատակին, լճակ էին կապել* /Հարությունյան/; *Գետը լայնացել ու լիճ է դարձել ամբարտակի առջև...* /Էմին/; *Առու է, թե գետ է՝ մեծ է. քանզի մի տեղ լիճ է կազմել* /Գալշոյան/. Таким образом, к лексеме «озеро» мы можем прибавить русские лексемы, так или иначе выражающие и детализирующие понятие 'водоем': «լիճ» - «озеро», «пруд», «запруда», «разлив».

Еще одно употребление армянского слова «լիճ» коррелирует с употреблением русской лексемы «лужа» / «лужица» («образовать лужу», «образовалась лужа»), ср.: *Հենազրահի շուրջը արյան լիճ գոյացավ* /Խանգաղյան/; ... *գետի պես արյուն է հոսել, լիճ կապել...* /Օրոյան/; *Օջելիան բեմում արցունքի լիճ դարձած՝ նստել է ...* /Փափազյան/; *Փողոցում կար մի փոքրիկ և շատ նոսր նավթային լճակ* /Շիրվանզադե/; *Քարերի մեջ գոյացավ սպիտակուցային մի լճակ, որի երեսին լող էին տալիս ձվի դեղնուցները* /Ն. Չարյան/; ... *ոչ մի կերպ չի կարողանում դուրս գալ լիճ կապած կաշուն գեխի միջից* /Հրաչյան/. Русское слово «лужа», однако, не является обозначением понятия 'водоем', оно обозначает 'жидкость в небольшом углублении / на поверхности'. Ср. два значения этой лексемы: ▪ 'углубление со скопившейся в нём водой'; ▪ 'жидкость, пролитая на поверхность или разлившаяся по поверхности чего-либо'. Таким образом, армянское слово «լիճ» включает также данный компонент значения, следовательно, объем его сигнификата значительно шире объема сигнификата русского слова «озеро», ср.: «լիճ» = «озеро», «пруд», «запруда», «разлив», «лужа».

Мы наблюдаем асимметричную картину семантики двух межъязыковых синонимов. С одной стороны, многозначная армянская лексема «լիճ», с другой – однозначная русская лексема «озеро», соседствующая с тематически смежными лексемами «пруд», «запруда», «разлив», «лужа». Подобная асимметрия, безусловно, сказывается на словоупотреблении лексем «լիճ» и «озеро». В частности, полисемия армянской лексемы способствует ее диффузному употреблению, а также сравнительно легкому наращиванию переносных значений, что, в свою очередь, расширяет его семантику. Ср., например, диффузное употребление слова «լիճ» в следующем контексте: *Էնքան արավ լաց ու կոծ, / Որ լիճ կըսրեց*

արտաշատըրը, / Օածկեց քաղաքն ու ամրոց... /Թումանյան/. Так, при переводе подобного высказывания на русский язык необходимо учитывать гиперболическое употребление слова «լիճ»: вряд ли в данном случае словосочетание типа «образовать лужу» можно будет считать адекватным переводом.

Слово «լիճ» / լճակ метафорически может употребляться также в значениях 'поверхность', 'распространяться / обволакивать / покрывать / разливаться по поверхности', ср.: *Երանությունը լճակ է կապում տասի դեմքին /Սահինյան/; Հալած մետաղը ծփում էր բոցերի մեջ, որպես հրեղեն լճակ /Դաֆֆի/; Ահա մի բացատ որբի անտառում, / Միջին արևի մի լճակ ոսկի /Դեմիրճյան/*.

Отдельное место в армянском дискурсе занимает употребление слова «լճակ» в значении 'глаза / глаза как два озера', что подчеркивает величину, выразительность, красоту глаз, их доминирование, как бы «разлитость» во внешнем облике, который в данном случае можно уподобить своего рода «пейзажу», ср.: *Հույսի լճակ՝ / Աջեր տրտում, / Այս է որ դարձաք / Այսպես խնդուն /Սարմեն/; Թխավարս մի աղջիկ տեսա, / Աջերը սևորակ էին, / Սևորակ, սև լճակ էին, / Հնրերի ամպի տակ էին /Շիրազ/*.

Таким образом, сопоставив армянское слово «լիճ» и русское слово «озеро», мы столкнулись с их лексико-типологическими различиями: многозначной армянской лексеме, включающей в состав своего лексического значения целый комплекс семантических компонентов, в русском языке противопоставлено лексически дифференцированное множество тематически смежных слов, то есть в русском языке наблюдается большая таксономическая глубина понятия «водоем / водный объект». Подобное различие, безусловно, сказывается на их употреблении в дискурсе. Возможно, именно с многозначностью связано диффузное и метафорическое употребление армянской лексемы, и именно эта ее характеристика способна породить контексты, аккумулирующие целый комплекс концептуальных смыслов, как, например, следующие строки Шираза: *Որ դու էլ այսպես՝ մի բոլո մորս պես, մի բոլո չմնաս՝ / Օսլից ծովն անցավ, գոնե լճից լիճ ծովանաս նորից, / Իս նոր Հայաստան, դու իմ մահով էլ այնպես բարձրանաս, / Որ Սևանն ըսպե իմ Վանա ծովից /Շիրազ/ - [Чтобы ты (Армения) не оставалась такой же маленькой, как моя мать / от моря и до моря больше нет (тебя), хотя бы от озера до озера ты простирайся снова, моя новая Армения ...] Здесь концепт «ծովից ծով Հայաստան» (Армения от моря и до моря) трансформирован в иной концепт – «լճից լիճ Հայաստան» (Армения от озера до озера), обозначающий воображаемые границы Армении между двумя знаковыми для армянской культуры объектами – озерами Ван и Севан.*

Армянское слово «լիճ» так же, как и его тематические «собратья», образует производный многозначный глагол «լճանալ» - ▪ 'собратся / накопиться где-либо (о жидкости)'; ▪ 'перен. не проявлять жизни,

движения'; ▪ 'перен. перестать развиваться, застояться'; ▪ 'перен. наполниться слезами'; ▪ 'перен. скопиться, собраться, наполниться'. Мы уже отмечали, что наличие в языке подобных глаголов лишний раз свидетельствует о том, что данные объекты в армянской лингвокультуре не столько связаны с восприятием некоей «пейзажной картинки», сколько с восприятием крупного водного объекта как природного явления со свойственными ему физическими характеристиками. Так, озеро в армянской языковой картине мира – это прежде всего большой объем воды, замкнутой в берегах и относительно неподвижной. Именно такое восприятие озера способствует видению некоторых жизненных явлений сквозь призму данного природного объекта, ср.: ... *աչքերը լճանում էին, հետո հստակ կաթիլները գլորվում էին դեպի ձերմակ քունքերը...* /Գյուլնազարյան/; *Նրա վրայից ջրի շիթերը հոսում, լճանում էին շուրջը* /Վարդազարյան/; *Նրա աչքերում լուռ, անխոս լճանում էր վիշտը* /Թաթևկյան/; *Եվ քո հայացքը մայրական / Լճանում է նրա վրա* /Սևակ/; *Հայրի տարբեր կողմերից այստեղ էին լճանում արքայական գորանասերը* /Խաչատրյան/.

Выводы

Итак, рассматривая особенности семантики и словоупотребления лексико-семантической группы на примере слов «океан», «море», «озеро» в русском и армянском языках, мы стремились выявить их некоторые лингвокультурные и типологические особенности. Однако нами всего лишь намечены контуры подобного исследования. Оно ждет более детальной разработки методики описания и выявления лексико-типологических исследований, которое должно вестись, на наш взгляд, в следующих направлениях:

1) анализ и сопоставление словарных статей, направленный на выявление набора семантических компонентов, что, в свою очередь, поможет установить «лишние» компоненты в одном из рассматриваемых языков, а следовательно, семантическую разницу между исследуемыми словами;

2) анализ и сопоставление группы тематически смежных лексем, что поможет установить степень таксономической глубины исследуемых групп слов;

3) анализ корпуса текстов, позволяющий выявить сочетаемостный потенциал лексем, пути и способы расширения их смыслов с помощью определений, метафоричности, а также возможных запретов, налагаемых на распространение слов определениями и пр.;

4) анализ семантики и словоупотребления производных.

Подобные шаги в исследовании различных участков словаря позволят выявить его лексико-типологические особенности, описать некоторые фрагменты языковой картины мира, а возможно, и выявить связи между языковым восприятием тех или иных объектов действительности и мировидением этноса, ибо «субъект говорящий» «обречен» видеть мир сквозь призму языка.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд, И.В., 1979. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте. *Иностранные языки в школе*, № 6. сс.10-17.
- Восточноармянский национальный корпус (ВАНК). URL: http://www.eanc.net/EANC/search/?interface_language=ru [дата обращения: 10. 09. 2022].
- Горбачевич, К.С., Хабло, Е.П., 1979. *Словарь эпитетов русского литературного языка*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение.
- Грдзелян, Р.Р., 2014. *Культурная составляющая наименований солнца в русском и армянском языках. Русский язык – гарант диалога культур, научного сотрудничества, межнационального и межличностного общения в 21-ом веке. Материалы 4-ой международной научно-практической конференции*. Ереван: Антарес, 2014, сс. 238-244.
- Грдзелян, Р.Р., 2015. Концепт «солнце» в армянской лингвокультуре. *Научный журнал «Апробация»*, #1 (28), сс. 43-45.
- Даль, Вл., 1955, *Толковый словарь живого великорусского языка*, тт. 1-4, 6-ое изд. Москва: гос-ое изд-во иностранных и национальных словарей.
- Ефремова, Т.Ф., 2005. *Современный толковый словарь русского языка*, тт. 1-3.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua.
- Конопелько, И.П. *Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка: Из опыта Воронежской школы сопоставительных исследований*. Воронеж: Изд-во ООО «РИТМ», 2019.
- Литвинова, Л. А. Лингвокультурологическое описание значения слова. В кн.: *Современные социально-гуманитарные исследования: теоретико-методологические и прикладные аспекты : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 ноября 2019г. : в 2-х ч*. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2019. Часть I. С. 24-27. URL: <https://apni.ru/article/110-lingvokulturologicheskoe-opisanie-znacheniya> [дата обращения: 13.09.2022].
- Маклакова, Е.А. и Стернин, И.А., 2013. *Теоретические проблемы семной семиологии*. Воронеж: «Истоки».
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ)*. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> [дата обращения: 10. 09. 2022].
- Норманская, Ю.В., 2005. *Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках*. Москва. URL: <https://iling-ran.ru/Normanskaya/normanskaya/01.pdf> [дата обращения: 10.09.2022].
- Ожегов, С.И. *Толковый словарь русского языка*. 28-ое изд. перераб. Москва: Мир и Образование: ОНИКС, 2012.
- Рахилина, Е.В., 2008 *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари.
- Словарь русского языка*, тт. 1-4 / А.П. Евгеньева, 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981—1984.
- Толковый словарь русского языка*, тт. 1-4 /Д.Н. Ушаков, М.: СЭ, 1935 – 1940.
- Աղալյան, Է. *Արդի հայերենի բացատրական բառարան*. Երևան, «Հայաստան», 1976.
- Մալխասեանց, Ս. *Հայերէն բացատրական բառարան*. Երևան, Հայկական ՍՍՌ Պետական Հրատարակչություն, 1944-1945.

REFERENCES

- Arnol'd, I.V., 1979. Potentsial'nye i skrytye semy i ikh aktualizatsiya v angliyskom khudozhestvennom tekste [Potential and hidden semes and their actualization in the English literary text]. *Inostrannye yazyki v shkole*, № 6. pp. 10-17. (in Russian).

Vostochnoarmyanskiy natsional'nyy korpus (VANK) [East Armenian National Corpus]. [Accessed: 10. 09. 2022]. (in Russian).

Gorbachevich, K.S., Khablo, E.P., 1979. *Slovar' epitetov russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of epithets of the Russian literary language]*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. (in Russian).

Grdzelyan, R.R., 2014. *Kul'turnaya sostavlyayushchaya naimenovaniy solntsa v russkom i armyanskom yazykakh [The cultural component of the names of the sun in Russian and Armenian languages]*. Russkiy yazyk – garant dialoga kul'tur, nauchnogo sotrudnichestva, mezhnatsional'nogogo i mezhlichnostnogo obshcheniya v 21-om veke. Materialy 4-oy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Yerevan: Antares, 2014, pp. 238-244. (in Russian).

Grdzelyan, R.R., 2015. *Kontsept «solntse» v armyanskoy lingvokul'ture [The concept of "sun" in the Armenian linguistic culture]*. Nauchnyy zhurnal «Aprobatsiya», #1 (28), pp. 43-45. (in Russian).

Dal', Vl., 1955. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Colloquial Great Russian Language]*, tt. 1-4, 6-nd ed. Moscow: Publ. inostrannykh i natsional'nykh slovarey. (in Russian).

Efremova, T.F., 2005. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Modern explanatory dictionary of the Russian language]*, vv. 1-3.: AST, Astrel', Kharvest, Lingua. (in Russian).

Konopel'ko, I.P. *Sopostavitel'nyy analiz v issledovanii i prepodavanii yazyka: Iz opyta Voronezhskoy shkoly sopostavitel'nykh issledovaniy [Comparative Analysis in Language Research and Teaching: From the Experience of the Voronezh School of Comparative Studies]*. Voronezh: Publ. OOO «RITM», 2019. (in Russian).

Litvinova, L. A. *Lingvokul'turologicheskoe opisaniye znacheniya slova [Linguistic and cultural description of the meaning of the word]*. V kn.: *Sovremennyye sotsial'no-gumanitarnyye issledovaniya: teoretiko-metodologicheskie i prikladnyye aspekty: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 30 noyabrya 2019.: v 2-kh ch.* Belgorod: OOO Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovaniy (APNI), 2019. Chast' I. S. 24-27. URL: <https://apni.ru/article/110-lingvokul'turologicheskoe-opisaniye-znacheniya> [data obrashcheniya: 13.09.2022]. (in Russian).

Maklakova, E.A. i Sternin, I.A., 2013. *Teoreticheskie problemy semnoy semasiologii [Theoretical problems of seminal semasiology]*. Voronezh: «Istoki». (in Russian).

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYa) [Russian National Corpus] URL: <https://ruscorpora.ru/new/> [Accessed: 10. 09. 2022]. (in Russian).

Normanskaya, Yu.V., 2005. *Genesis i razvitiye sistem tsvetooboznacheniy v drevnikh indoevropeyskikh yazykakh [Genesis and development of color naming systems in ancient Indo-European languages]*. Moscow. URL: <https://iling-ran.ru/Normanskaya/normanskaya/01.pdf> [Accessed: 10.09.2022]. (in Russian).

Ozhegov, S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*. 28-nd ed. Moscow: Mir i Obrazovanie: ONIKS, 2012.

Moscow. URL: <https://iling-ran.ru/Normanskaya/normanskaya/01.pdf> [Accessed: 10.09.2022]. (in Russian).

Rakhilina, E.V., 2008. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetnost' [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility]*. Moscow: Russkie slovari. (in Russian).

Slovar' russkogo yazyka [Russian Dictionary], vv. 1-4 / A.P. Evgen'eva, 2-nd ed. Moscow: Russkiy yazyk, 1981—1984. (in Russian).

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language], vv. 1-4 /D.N. Ushakov, Moscow: SE, 1935 – 1940. (in Russian).

Aghayan, E'. *Ardi hayereni bacatrakan bar'aran [Explanatory Dictionary of the*

Modern Armenian Language]. Erevan, «Hajastan», 1976. (in Armenian).

Malxaseanc, S. *Hayere'n bacatrakan bar'aran* [Explanatory dictionary of the Armenian language]. Erevan, Haykakan SSR' Publ., 1944-1945. (in Armenian).

**ԲՆԱԿԱՆ ՕԲՅԵԿՏՆԵՐԻ ԱՆՎԱՆՈՒՄՆԵՐԻ ԻՄԱՍՏԱԲԱՆԱԿԱՆ,
ԼԵԶՎԱՄՇԱԿՈՒԹՍՅՒՆ ԵՎ ՏԻՊԱԲԱՆԱԿԱՆ
ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏՎՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ**

ՌՈՒԶԱՆ ԳՐԶԵԼՅԱՆ

Ամփոփում: Հոդվածում քննության է առնվում իմաստաբանական-գուգորդական, տիպաբանական և լեզվամշակութային նկարագրության համար կարևոր անունների դասը՝ բնական օբյեկտների անվանումները: *Ներածական մասը* պարունակում է տեսական կանխադրույթներ, որոնք ուսումնասիրվող բառայինների քննության հիմք են դառնում:

Հոդվածի *հիմնական մասում* ներկայացված են ռուսերենում և հայերենում ջրային բնական օբյեկտների անվանումների վերլուծության համար կարևոր հատկանիշները՝ առարկայականության և հատկանիշության հարաբերակցությունը սույն բառերի իմաստային կառուցվածքում, իմաստային բաղադրամասերի վերծանումը և նրանց համեմատությունը, միջլեզվական հոմանիշների լեզվամշակութային առանձնահատկությունները, ինչպես նաև սլոյալ օբյեկտների բնութագրման տեսակները խոսույթում:

Հետագա վերլուծությունը հիմնված է *սույն հոդվածում ներկայացվող վարկածի* հիման վրա. որքան շատ են բառի իմաստային կառուցվածքում հատկանիշային իմաստային տարրերը, այնքան պակաս հաճախակի է բառի ընդլայնումը տարատեսակ որոշիչներով:

Հոդվածի *ամփոփիչ մասում* ներկայացված են եզրահանգումներ՝ հիմնված վերլուծության տվյալների վրա, ինչպես նաև բնական օբյեկտների անվանումների վերլուծության մեթոդաբանության որոշ ասպեկտներ՝ 1) բառահոդվածների վերլուծությունը և համեմատությունը, ինչը նպաստում է բառի իմաստային տարրերի վերծանմանը և համեմատվող լեզուներից մեկում «ավելորդ» իմաստային տարրի հայտնաբերմանը; 2) թեմատիկ հարակից բառայինների վերլուծությունը և գուգորդումը, ինչը նպաստում է ուսումնասիրվող բառախմբերի տակսոնոմիկ (դասակարգային) խորության բացահայտմանը; 3) տեքստերի կորպուսի վերլուծությունը՝ միտված բառայինների զուգակցվողության կարողությունների վերծանմանը, իմաստների ընդարձակման ուղիների բացահայտմանը; 4) ածանցավոր բառերի իմաստների և բառագործածության վերլուծությունը:

Բանալի բառեր – *բնական օբյեկտների անվանումներ, իմաստաբանական, լեզվամշակութային և տիպաբանական առանձնահատկություններ, առարկայականություն, հատկանիշություն, օբյեկտի բնութագրման տեսակները (տիպերը)*

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В
РУССКОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ****КРИСТИНЕ АСАТРЯН**

Аннотация. В статье рассматриваются процессы словообразовательной деривации, в частности аффиксация, которая активно и ярко проявляется в русскоязычном интернет-пространстве. С развитием интернета появляются новые явления, понятия и предметы, которые нуждаются в номинации. Лексика языка интернет-общения обогащается не только благодаря заимствованиям, но и за счет процесса словопроизводства.

Русский язык обладает развитой деривационной системой, словарный состав постоянно развивается и пополняется. Одним из самых распространенных способов образования новых слов в интернет-пространстве является аффиксальное словообразование. На основе анализа наиболее часто употребляемых лексических единиц в социальных сетях выявляются основные способы аффиксальной деривации, когда новое слово образуется путем добавления к уже существующему заимствованию префикса или суффикса.

Присоединяясь к иноязычным корням, префиксы и суффиксы играют значимую роль в определении частеречной принадлежности дериватов. По тому, к какому лексико-грамматическому разряду относятся образованные путем аффиксации дериваты, аффиксы подразделяются на субстантивные, адъективные, адвербиальные и вербиальные.

Активнее всего продуцируются наименования действий и признаков, в случаях же с номинациями предметов и явлений мы в основном имеем дело с заимствованиями. Для глаголов более характерна префиксация, в то время как суффиксация получила широкое распространение при образовании существительных, прилагательных и наречий. Подобные способы словообразования (на базе заимствованных корней) становятся доминирующими источниками пополнения и обогащения лексики современного русского языка.

Ключевые слова: *интернет-дискурс, социальная сеть, субстантивная деривация, адъективная деривация, адвербиальная деривация, вербальная деривация, аффиксация, диминутив.*

**WORD FORMATIVE DERIVATION IN RUSSIAN-LANGUAGE
SOCIAL NETWORKS****KRISTINE ASATRYAN**

Abstract. The article considers the processes of word formation derivation, particularly the affixation, which is actively and vividly manifested in the Russian-speaking cyberspace. With the development of the Internet new phenomena, concepts and subjects that need to be nominated appear. The vocabulary of the language of Internet communication is replenished not only by borrowings, but also due to the word production process.

The Russian language has a developed derivational system, the vocabulary is constantly developing and replenishing. One of the most common ways of forming new words in the Internet space is the affixal word formation. Based on the analysis of the most frequently used lexical units in social networks, the main methods of affixal derivation are revealed, when a new word is formed by adding a prefix or suffix to an already existing borrowing.

Prefixes and suffixes that are added to derived foreign-language roots play an important role in determining the partial affiliation of derivatives. The affixes themselves are divided into substantive, adjectival, adverbial and verbal, according to which the lexico-grammatical category the derivatives formed by affixation belong to.

The nominations of acts and attributes are most actively produced, but in cases with nominations of objects and phenomena, we mainly deal with borrowings. The prefixation is more common for verbs, while the suffixation has become widespread in the formation of nouns, adjectives and adverbs. Such methods of word formation (based on borrowed roots) become the dominant sources of replenishment and enrichment of the vocabulary of the modern Russian language.

Key words: *internet discourse, social network, substantive derivation, adjectival derivation, adverbial derivation, verbal derivation, affixation, diminutive*

Способы пополнения современной интернет-лексики

Одним из важнейших компонентов современного общества является интернет, с развитием которого язык общения стал более разнообразным, многослойным, так как интернетом пользуются представители разных возрастов, профессий, социальных слоев. Изменения в языке особенно остро проявляются в молодежной среде, в которой более стремительно происходят любые изменения, и именно лексика наиболее восприимчива к влияниям и изменениям.

Как отмечает М.А. Кронгауз: «Язык, который существует в меняющемся мире и не меняется сам, перестаёт выполнять свою функцию» [Кронгауз, 2012, с.19]. Язык, как любая развивающаяся система, подстраивается под новые условия.

А.В. Зорина отмечает, что «заимствованная лексика появляется в языке-приемнике в результате необходимости обозначать новые явления или объекты, образование или создание которых произошло в культуре языка-источника» [Зорина, 2018, с.7].

В русскоязычных социальных сетях наблюдается использование заимствований и распространение интернет-лексики, которая содержит лексемы для обозначения новейших средств использования интернета. Современная интернет-лексика воспринимается постоянными пользователями интернета как обыденная, привычная, понятная без особых пояснений.

К числу самых частотных заимствований следует отнести следующие лексические единицы, использование которых было зафиксировано в интернете:

Агрить – от англ. *aggression* (агрессия) раздражать, вызвать агрессию; производные: *агриться, поагриться* и др.

Бан – от англ. *ban* (запрещать), ограничение возможностей пользователя в блогах, социальных сетях и на других сайтах; производные: *банить, забанить, разбанить, банер, банерша* и др.

Кринж – от искаж. англ. *cringe* (съеживаться от страха, содрогаться), чувствовать себя неудобно из-за чего-то, что вызывает стыд, смущение; производные: *кринжить*, *кринжовость*, *кринжовый*, *кринжово*, *кринжевать* и др.

Лайк – от англ. *like* (нравиться); производные: *лайкнуть*, *лайкать*, *залайкать*, *облайкать*, *отлайкать*, *лайкозависимость*, *лайкомания* и др.

Пруф – от англ. *proof* (доказательство, проверка); производные: *пруфануть*, *запруфать* и др.

Спам – от англ. *spam* (массовая рассылка с ненужной информацией); производные: *спамить*, *заспамить*, *спамер*, *спамерство*, *спамерша*, *картинкоspam*, *лайкоspam*, *фотоспам* и др.

Фолловер – от англ. *follower* (последователь); производные: *фолловить*, *зафолловить*, *отфолловить* и др.

Френд – от англ. *friend* (друг), участник социальной сети, добавленный в список контактов другого пользователя; производные: *френдить*, *зафрендить*, *расфрендить*, *френдинг*, *френдлента* и др.

Хайп – от англ. *hype* (шумиха), связывают с обретением быстрой и кратковременной славы, во многих случаях достигнутой случайно; производные: *хайпить*, *хайпануть*, *хайповый*, *хайпово* и др.

Хейт – от англ. *hate* (ненавидеть), выражение ненависти кого-либо к деятельности другого человека, производные: *хейтить*, *захейтерить*, *хейтер*, *хейтерство*, *хейтерский* и др.

Шейр/шар - от англ. *share* (распространять), распространение сообщения другого пользователя социальной сети; производные: *шейрить*, *шарить*, *расшарить* и др.

М.А. Брейтер определяет заимствование как «процесс, во время которого происходит постепенное продвижение от разовых, окказиональных использований данного заимствования, по пути его постепенного освоения средствами языковой системы и, в конце концов, включения его как полноправного элемента в систему языка-рецептора с присвоением характеристик, свойственных исконным единицам соответствующих классов» [Брейтер, 1997, с.78]. По мнению А.А. Леонтьева, заимствования представляют собой «иноязычное слово, выступающее в русском грамматическом оформлении, с русифицированной семантикой и в русифицированной звуковой форме» [Леонтьев, 1966, с.62].

В целях исследования трансформации лексики в русскоязычном интернет-пространстве нам хотелось бы обратить внимание на то, как реагирует язык на неологизмы, используя их как производящие основы для обогащения словарного состава. В связи с этим мы рассмотрим процессы аффиксального словообразования.

Больше всего изменений происходит в лексике (появление новых слов и новых значений). Сегодня мы наблюдаем интернетизацию лексики, т.е. интернет пополняет язык новыми терминами, уже известным словам добавляет новые значения. Для расширения лексического состава эффективным инструментом являются типичные для русского языка деривационные процессы, которые активно действуют и в сфере русскоязычного интернет-пространства.

Материалом для исследования послужили посты и комментарии в четырех наиболее популярных соцсетях: Facebook, Instagram, Twitter, Вконтакте. Орфография и пунктуация авторов постов сохранены¹.

Типы аффиксации в русскоязычном интернет-пространстве

Одним из самых распространенных способов образования новых слов в интернет-пространстве является аффиксальное словообразование. Аффиксация (прогрессивная деривация) определяется как «морфологический процесс (соотв. явление), заключающийся в присоединении аффиксов к корням или основам» [Ахманова, 2004, с. 61].

В русскоязычном интернет-пространстве мы можем выделить основные типы аффиксальной деривации: суффиксальную и префиксальную.

Для определения значения производного слова путем аффиксации важно понять значение суффиксов и префиксов и то, как они влияют на смысл лексического значения производного слова. «Знание значений суффиксов и префиксов помогает определить значение незнакомых слов, образованных при их помощи от знакомых» [Земская, 1992, с.45].

Несмотря на то, что некоторые неологизмы переведены на русский язык, самым нейтральным и наиболее употребительным оказалось иноязычное слово: селфи – себяшка, самофото; блог – дневник; фолловер – подписчик; френд – друг, репостить – поделиться и др. В процессе заимствования иноязычная лексика подвергается трансформации, то есть заимствованное слово путем аффиксации адаптируется к русскому языку.

В неологическом словарном составе современного русского языка преобладают словообразовательные неологизмы, возникшие в процессе словопроизводства.

Субстантивная деривация

1. В русскоязычных социальных сетях существительные в основном являются прямыми иноязычными заимствованиями: *лайфхак* (полезный, практичный совет), *вайб* (атмосфера, настроение), *троллинг* (использование в сетевом диалоге провокационных реплик для создания конфликтной ситуации), *холивар* (яростный спор на значимую тему), *стрим* (трансляция чего-либо в прямом эфире в интернете), *блог* (сетевой дневник), *флуд* (многочисленные сообщения, не связанные с темой диалога), *юзер* (пользователь), *тред* (ветвь обсуждения), *оффтоп* (вне темы), *краш* (возлюбленный), *пранк* (злой розыгрыш) и др.

Сильнее всего хочется спать, когда слышишь будильник. Лайфхак: ставьте будильник на 12 ночи и ложитесь спать (Twitter);

Простите за флуд в ленте, сегодня очень хороший день для того, чтобы быть агасе (Twitter);

План на выходные поймать вайб и не отпускать до понедельника! (Instagram);

Город засыпает, просыпается мафия. Кто из них ваш краш? (Facebook)

¹ <https://www.facebook.com/>; <https://www.instagram.com/>; <https://twitter.com/>; <https://vk.com/>

2. Активно используется также добавление русских суффиксов к иноязычным корням для обозначения лица, качества или явления.

• **-ость/-есть** при добавлении к основе прилагательного образует существительное со значением свойства: *кавайность* (привлекательность), *имховость* (от англ. ИМО – in my humble opinion – по моему скромному мнению), *ламерность* (некомпетентность), *заикварность* (позор), *вайбовость* (атмосферность) и др.

Кавайность этого бокса просто зашкаливает (Instagram);

Идем с сыном от лифта и обсуждаем мою ламерность в вопросах техники, я начинаю в шутку петь: АААЙМ Э ДИНОЗААУУУР (Twitter);

Вайбовость этой песни просто зашкаливает (Twitter).

• **-ств-** при добавлении к основе существительного образует существительное со значением качества, свойства: *хейтерство*, *троллерство*, *спамерство*, *ламерство*, *нубство* (новичковость), *шипперство* (создание виртуальных пар из персонажей с последующей романтизацией) и др.

Предпочитаю «Чемпионат хейтерства и токсичности» (Вконтакте);

Тут как бы одно из двух: или это знатно жирное троллерство на самом высоком уровне, или санитары уже не спасут. (Twitter);

Нубство не в моде. Но честно говоря: «новичкам везет» (Facebook).

• **-ник/-щик** образуют неофициальные названия лиц по профессии или по роду деятельности: *холиварщик*, *банищик*, *айтишник*, *анимешник* и др.

Я почетный холиварщик в запасе. Холиварил еще на форумах в 2007 (Twitter);

Очень хочется много друзей анимешников (Вконтакте).

• **-ане/-яне** образуют названия жителей городов и стран, в данном случае названия пользователей некоторых социальных сетей: *твиттеряне*, *фейсбукчане*, *тамблерчане* и др.

Кстати, я думал, что мы все рофлим, а твиттер нас реально твиттерянами называет...как хорошо (Twitter);

Фейсбукчане! Очень нужен ваш совет (Facebook).

• **-ша** используется для наименования лиц женского пола: *лузерша*, *блогерша*, *спамерша*, *троллерша*, *пранкерша* и др.

Моя маленькая блогерша (Facebook);

Как же я себя обожаю боже главная троллерша на районе (Twitter);

Такая я конечно пранкерша 😊 если бы ты был в этом вагоне, твои действия? (Instagram).

3. В ходе анализа русскоязычных социальных сетей была отмечена высокая продуктивность диминутивов, т.е. слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Этот стиль общения характерен для русской культуры. Уменьшительно-ласкательные формы делают русскую речь более богатой и разнообразной. Чаще всего использование диминутивов «диктуется осознанным или неосознанным стремлением к установлению ситуации дружественного общения» [Виноградова, 2012, с.128]. Однако злоупотребление уменьшительными суффиксами способно пробудить негативные ощущения.

В социальных сетях диминутивы вполне продуктивны как коммуникативный механизм обеспечения возможности произвести необходимый эффект на собеседника. «Вообще диминутивы в социальных сетях имеют широкий спектр функций. Коммуникативно-прагматические функции диминутивности базируются на исключении из речи трансляции излишней категоричности, так как она является помехой в реализации плодотворной коммуникации. И потенциал диминутивов с позиции прагматики воплощается через возможность произвести нужный коммуникативный эффект и установление результативного взаимодействия коммуникантов» [Калашникова, Калашников, 2017, с.103].

Среди субстантивной деривации наблюдается активное использование следующих уменьшительно-ласкательных суффиксов:

- **-к-:** *печалька/пичалька, печенька, поцелуйки, няшка* (милое существо), *ванилька, статейка, флудилка, аватарка/авка* (графическое представление пользователя), *личка* (личное сообщение), *сорьки* (извинение) и др.

На улице холодно, солнышка нет, печалька (Вконтакте);

Как же я хочу просто понять кому-то в личку (Twitter);

Сменила авку, не теряйте (Instagram).

- **-шк-:** *поздравляшки, обнимашки, целовашки, жарышка, милашка* и др.

Сейчас бы обнимашки, а не вот это вот все (Twitter);

Поздравляшки, обнимашки, целовашки сюда, плизз (Facebook);

- **-ичк-/-ечк-:** *няшечка, пусечка, заечка, милашечка, сердечки, сорички, страничка* и др.

Меня взломали, всем сорички (Вконтакте);

Ты няшечка а няшки должны держаться вместе (Twitter).

- **-очк-:** *фоточка, тренировочка, спасибочки* и др.

Традиционная-ежесезонная фоточка с мотоциклом и платьем (Facebook);

Грустненько перед тренировочкой (Instagram).

4. В русскоязычном интернет-пространстве большинство существительных образуются путем словосложения. В единое слово могут складываться русский и заимствованный корни или только заимствованные корни: *лайкозависимость, лайкомания, лайкобукет, лайкоспам, картинкоспам, картинкопост, быстропост, длиннопост, фотопост, фотоспам, фоткофлуд, картинкофлуд, холиварофорум* и др.

Беспощадный картинкоспам (Facebook);

Лайкомания – это уже диагноз (Twitter);

Я подозреваю, что по ним плачет Холиварофорум (Twitter).

Адъективная деривация

Значительная часть новых номинаций, образованных от иноязычных корней, представляет собой названия признаков. Поскольку среди заимствований преобладают имена существительные, то наиболее частотным является производство прилагательных. Для словопроизводства прилагательных наиболее активным оказывается суффиксальный способ. Чаще всего используются следующие суффиксы:

● **-ов/-ев-** обозначают признак, качество или свойство предмета, то есть образуют качественные прилагательные: *кринжовый/кринжевый, вайбовый, драйвовый* (ритмичный), *нубовый, криповый* (страшный), *топовый* (выдающийся), *хайповый, лайтовый* (легкий, приятный), *трешевый/трешовый* (невообразимо ужасный), *фейковый* (ненастоящий), *онлайновый, оффлайновый* и др.

*Слишком **вайбовый** тренд, я не могла пройти мимо (Instagram);*

*Я не умею краситься, поэтому вместо нюдового макияжа у меня получается **нубовый** (Twitter);*

*Есть одна старая **криповая** идея которую можно показать через анимацию или комикс онли (Twitter);*

*А **хайповый** бы дедуля из меня вышел я вам скажу (Facebook).*

● **-ск-** является вторым по популярности суффикс, образует относительные прилагательные: *спамерский, блогерский, хейтерский, ламерский, твиттерский, фейсбуковский, нубский* и др. Как правило, это прилагательные, образованные от наименований лиц.

*Все написали **хейтерские** посты, а мне понравилось (Instagram);*

*Друзья, есть среди вас те, кто умеет играть на гитаре? Отзовитесь, пожалуйста. Имею к вам **ламерский** вопрос (Facebook);*

*Ну это просто стандартный **спамерский** комментарий из инстаграма (Twitter).*

● **-н(-ин-)** образует качественные прилагательные со значением признака: *кавайный, сасный* (привлекательный), *зашкварный, оффтопный, анимешный, няшный, мимишный* и др.

*А я **кавайная!** Вот что слепящее калифорнийское солнце и дурацкая шляпа бойфренда делают (Facebook);*

*Боже! Это самый **зашкварный** челп. Ахахахаха (Twitter).*

Адвербиальная деривация

Качественные прилагательные активно продуцируют наречия. Большинство адвербиальных слов образуются путем суффиксации.

● **-о/-е** выражают общую оценку объектов, явлений действительности: *кавайно, лайтово, крипово, зашкварно, анимешно, няшно, мимишно, хайпово, трешово, вайбово, фейково, топово, драйвово* и др.

*Ковидом переболела. Было **зашкварно** (Facebook);*

*Ну она почти так же и сказала, только не так **кавайно** (Twitter);*

*Выгляжу чрезвычайно **вайбово** (Instagram);*

*Когда хотела **топово** сфоткаться, а получилось как всегда (Facebook).*

Наречия, образованные с помощью диминутивов, выражают оценку, что делает общение в интернете более экспрессивным и эмоциональным:

● **-оньк/-еньк-:** *печальненько, аутентичненько, грустненько, давненько, маленько, тихонько, кринжовенько, скучненько, фальшивенько, вайбовенько, криповенько, зашкварненько* и др.

Аутентичненько и просто вау, хочу всё это себе (Вконтакте);

Печальненько. Но все впереди (Twitter);

А я тихонько на работушку (Twitter).

Вербиальная деривация

В русскоязычном интернет-пространстве весьма интенсивно проявляется глагольная деривация. Следует отметить активность освоения заимствованной лексики, которая становится производящей базой для глагольных новообразований, образуемых путем префиксации и суффиксации.

1. При образовании глаголов используются разнообразные русские префиксы, которые сохраняют свое основное значение при словопроизводстве. Как и в языке повседневного общения, в языке интернета префиксальным способом образуются в большей степени глаголы совершенного вида.

● **за-**: *залайкать, затегить, запостить, зашерить, зафрендить, зафолловить, забайтить* (подражать кому-либо), *зашеймить* (пристыдить кого-либо), *заспамить* (отправлять много рекламных сообщений, ненужную информацию), *зачекиниться* (зарегистрировать своё присутствие в определённом месте), *зарегиться* (зарегистрироваться), *запруфать* (доказать что-либо) и др.

Зафрендил обратно человека (Facebook);

А давай вспомним, где ты впервые зарегился, выложил фотку, написал пост, отправил сообщение? (Вконтакте);

Этот пост забанили (поэтому выложу его повторно) (Instagram);

Я каждый день захожу туда зачекиниться и чуть ли не каждый день интерфейс выглядит по-разному (Twitter).

● **от-**: *отлайкать, отписаться, отбанить, отфолловить* и др.

Зашел в инсту Макея, чтобы отлайкать назад все свои сердечки (Twitter);

По этикету о фотосессии нужно сообщать заранее, чтобы человек успел от тебя отписаться (Instagram);

Бесит, что если в твиттере с кем-то поссорился, и этот человек забанил, то уже никогда, наверное, не отбанит...То есть помириться никак нельзя? (Twitter).

● **об-**: *облайкать, обтроллить* и др.

Беднягу обтроллили уже. Но смотрился, на самом деле, прикольно (Вконтакте).

● **по-**: *полайкать, потроллить, погуглить, поагриться, пофлудить* и др.

Люблю твиттер за то, что ты можешь зайти сюда поагриться на кого-то написать кучу гневных твитов с обращениями высказаться и успокоить свою душу (Twitter);

Вечер, время пофлудить (что-то многовато меня сегодня, но не могу молчать) (Facebook);

Всем советую заглянуть в этот хорошенький паблик и полайкать посты (Вконтакте).

● **пере-**: *перепостить, перелайкать, перебайтить* и др.

Лучше перелайкать, чем недолайкать (Instagram);

А помнишь, ты не перепостила «Перешли 25 друзьям и найдешь вечную любовь или останешься одна!»? Ну вот, кароч... (Facebook).

● **раз-/рас-**: *расфрендить, разлайкать, разбанить, разбайтить* и др.

Он не только меня **расфрендил**, но и зашел на мою стр. и **разлайкал** фотки... (Facebook);

Он **разбайтил** тебя на пойти в магазин чтобы занять комп. Он куда коварнее чем я думал (Twitter);

Позвонил Маску. Объяснил ситуацию со своим забаненным навсегда акком. Обещал завтра **разбанить** (Twitter).

2. В русскоязычном интернет-дискурсе для образования глаголов менее активно используется суффиксация. Чаще всего встречаются следующие суффиксы:

• **-и-(ть)/ -а-(ть)** – эти суффиксы обозначают действия, которые осуществляются в социальных сетях: *троллить*, *стримить*, *френдить*, *хайпить*, *шеймить*, *чилить* (расслабляться), *капсить* (набирать текст сплошными заглавными буквами), *флудить*, *твиттить*, *кринжить*, *хейтить* и др. Без префикса эти глаголы функционируют в качестве глаголов несовершенного вида, которые обозначают повторяемость действия.

Френдить френдов френдов может привести к удивительным знакомствам (Facebook);

Она не смеется☺ Откровенно **троллит** (Instagram);

Ох как давно я ничего не **твиттила** (Twitter);

Вчера мир разделился на три лагеря: тех, кто **хейтил** «Матч ТВ», тех, кто **хейтил** Олю Бузову, и тех, кто **хейтил** Диму Губерниева (Facebook);

Короче, в этот раз я просто **чилил!** На чиле, на расслабоне (Facebook).

• **-ну-**: *лайкнуть*, *твитнуть*, *репостнуть*, *тегнуть*, *ливнуть* (покинуть), *андейтнуть* (заменить новым что-либо негодное), *делетнуть* (удалить) и др. Эти глаголы указывают на завершенность и/или однократность действия:

Работаем всю жизнь чтобы **андейтнуть** своего персонажа в матрице (Twitter);

Спасибо большое за ретвит, я даже **тегнуть** не успела (Twitter);

Интересно, сколько у меня останется френдов, если забанить всех, кто просит что-то **лайкнуть**? Надо попробовать (Facebook);

Моя внимательность в последнее время просто **лигнула** куда-то, это такая жестт (Twitter).

• **-ану-** является экспрессивным, разговорным вариантом суффикса *-ну-* и менее употребителен: *лайкануть*, *хайпануть*, *пруфануть* и др.

Я не знаю зачем Маск решил **хайпануть** на эту тему (Facebook);

Бесполезные разговоры, лишь бы **лайканул** кто-нибудь (Twitter);

Пруфануть нечем, но и сказать, что такого быть не может в этой стране, оче сложно (Twitter).

Выводы

Аффиксация является одним из наиболее продуктивных способов словообразования в современном русском языке. В русскоязычных социальных сетях путем заимствования иноязычной корневой морфемы происходит процесс словообразования в соответствии с правилами русской деривационной системы – суф-

фиксация и префиксация.

Среди субстантивной деривации либо преобладают непосредственно заимствования, либо словосложения. В процессе словопроизводства существительных к иноязычным корням прибавляются суффиксы *-ость/-есть*, *-ств-*, *-ник/-щик*, *-ане/-яне*, *-ша*, а также уменьшительно-ласкательные суффиксы *-к-*, *-ик-*, *-ичк-/-ечк-*, *-очк-*.

Однако отметим, что словопроизводство пассивнее всего проявляется в сфере имен существительных, так как большую часть заимствований субстантивов составляют непосредственно иноязычные корни. Эти корни становятся основой для активного словопроизводства других частей речи: прилагательных, наречий, глаголов.

Среди способов адъективной деривации наиболее продуктивным является суффиксация. Широко представлены новообразования с суффиксами *-ов-/-ев-*, *-ск-*, *-н-(-ин-)*. В словопроизводстве прилагательных базой становится заимствованное существительное. Отметим, что активно продуцируются как качественные, так и относительные прилагательные. Наречия же в русскоязычных социальных сетях формируются от качественных прилагательных путем суффиксации.

Глаголы создаются как на базе других глаголов, так и на базе слов других частей речи, прежде всего заимствованных существительных. Префиксальные глаголы весьма многообразны в русскоязычном интернет-дискурсе. Чаще всего используются следующие префиксы: *за-*, *от-*, *об-*, *по-*, *раз-/рас-*. Что касается суффиксов, то среди них активно используются следующие: *-и-(ть)/-а-(ть)*, *-ну-/-ану-*.

Как показал наш анализ, активнее всего продуцируются наименования действий и признаков, в случаях же с номинациями предметов и явлений мы в основном имеем дело с заимствованиями.

Для глаголов более характерна префиксация, в то время как суффиксация получила широкое распространение при образовании существительных, прилагательных и наречий. В системе глаголов посредством суффиксации образуются видовые пары. Суффиксальный инвентарь деривации у существительных и прилагательных богаче и разнообразнее, чем у глаголов.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ахманова, О.С., 2004. *Словарь лингвистических терминов*. 2-е издание, стереотипное. Москва: Едиториал УРСС.

Брейтер, М.А., 1997. *Англицизмы в русском языке: история и перспективы*. Москва: АО «Диалог-МГУ».

Виноградова, В.Н., 2012. *Система русского словообразования в функционально-стилистическом аспекте*. Москва: ООО «Инфотех».

Земская, Е.А., 1992. *Словообразование как деятельность*. Москва: Наука.

Зорина, А.В., 2018. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики). В кн.: С.С. Тахтарова, ред. *Казанский лингвистический журнал*, № 1(2), Казань: АНО «Институт культурного наследия», сс.5-14.

Калашникова, А.А. и Калашников, И.А., 2017. Диминутив как инструмент прагматикона в дискурсе социальных сетей. В кн.: О.Г. Лябина, ред. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. №. 7-2 (73), Тамбов: Грамота, сс. 102-104.

Кронгауз, М.А., 2012. *Русский язык на грани нервного срыва*. 3Д. Москва: Астрель.

Леонтьев, А.А., 1966. Иноязычные вкрапления в русскую речь. В кн.: В.В. Виноградов, ред. *Вопросы культуры речи*. № 7. Москва: Наука, сс. 60-68.

REFERENCES

- Akhmanova, O.S., 2004. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 2nd ed., stereotipnoe. Moscow: Editorial URSS. (in Russian).
- Breyter, M.A., 1997. *Anglitsizmy v russkom yazyke: istoriya i perspektivy* [Anglicisms in Russian: history and perspectives]. Moscow: AO «Dialog-MGU» Publ. (in Russian).
- Vinogradova, V.N., 2012. *Sistema russkogo slovoobrazovaniya v funktsional'no-stilisticheskoy aspekte* [The system of Russian word formation in the functional and stylistic aspect]. Moscow: OOO «Infotekh» Publ. (in Russian).
- Zemskaya, E.A., 1992. *Slovoobrazovanie kak deyatelnost'* [Word formation as an activity]. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Zorina, A.V., 2018. *Anglitsizmy v sovremennom russkom yazyke (na primere internet-leksiki)* [Anglicisms in modern Russian (on the example of Internet vocabulary)]. V kn.: S.S. Takhtarova, red. *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal* [Kazan Linguistic Journal], № 1(2), Kazan: ANO «Institut kul'turnogo naslediya» Publ., pp.5-14. (in Russian).
- Kalashnikova, A.A. i Kalashnikov, I.A., 2017. *Diminutiv kak instrument pragmatikona v diskurse sotsial'nykh setey* [Diminutive as a Pragmaticon Tool in the Discourse of Social Networks] V kn.: O.G. Lyabina, red. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. №. 7-2 (73), Tambov: Gramota Publ, pp. 102-104. (in Russian).
- Krongauz, M.A., 2012. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva. 3D* [The Russian language is on the verge of a nervous breakdown. 3D]. Moscow: Astrel' Publ. (in Russian).
- Leont'ev, A.A., 1966. *Inoyazychnye vkrapleniya v russkuyu rech'* [Foreign language inclusions in Russian speech] V kn.: V.V. Vinogradov, red. *Voprosy kul'tury rechi* [Questions of culture of speech] № 7. Moscow: Nauka Publ, pp. 60-68. (in Russian).

ԲԱՌԱԿԱԶՄԱԿԱՆ ԴԵՐԻՎԱՑԻԱՆ ՌՈՒՍԱԼԵԶՈՒ ՍՈՑԻԱԼԱԿԱՆ ԿԱՅՔԵՐՈՒՄ

ՔՐԻՍՏԻՆԵ ԱՍԱՏՐՅԱՆ

Ամփոփում: Հոդվածում ուսումնասիրվում են բառակազմական դերիվացիայի գործընթացները, մասնավորապես ածանցումը, որը բավականին ակտիվ և վառ դրսևորվում է ռուսալեզու համացանցում: Համացանցի զարգացման հետ հայտնվում են նոր երևույթներ, հասկացություններ և առարկաներ, որոնք անվանակոչման կարիք ունեն: Համացանցի լեզվի բառապաշարը հարստանում է ոչ միայն փոխառությունների, այլ նաև բառակազմության շնորհիվ:

Ռուսաց լեզուն ունի դերիվացիոն զարգացած համակարգ, բառապաշարը անընդհատ զարգանում և համալրվում է: Համացանցում նոր բառերի ստեղծման ամենատարածված միջոցներից է համարվում ածանցումը: Սոցիալական ցանցերում առավել հաճախ օգտագործվող բառերի վերլուծության հիման վրա բացահայտվում են ածանցման հիմնական մեթոդները, երբ նոր բառը ձևավորվում է արդեն գոյություն ունեցող փոխառությանը նախածանց

կամ վերջածանց ավելացնելով:

Միանալով օտարալեզու բառահիմքին՝ նախածանցներն ու վերջածանցները նշանակալի դեր են խաղում խոսքիմասային պատկանելությունը որոշելու գործում: Ըստ ածանցման միջոցով ձևավորված դերիվատների բառապաշարային և քերականական կատեգորիայի պատկանելության՝ տարբերակվում են գոյականակերտ, ածականակերտ, մակբայակերտ և բայակերտ ածանցներ:

Առավել ակտիվ արտադրվում են գործողություն և հատկանիշ նշանակող բառերը, իսկ առարկաներ կամ երևույթներ նշանակող բառերի դեպքում հիմնականում գործ ունենք փոխառությունների հետ: Բայերին ավելի բնորոշ է նախածանցությունը, մինչդեռ վերջածանցությունը լայն տարածում է գտել գոյականների, ածականների և մակբայների ձևավորման դեպքում: Բառակազմության նմանատիպ մեթոդները (փոխառված արմատների հիման վրա) գերիշխող են ժամանակակից ռուսաց լեզվի բառապաշարի համալրման և հարստացման գործում:

Բանալի բառեր – *համացանցային դիսկուրս, սոցիալական ցանց, գոյականակերտ դերիվացիա, ածականակերտ դերիվացիա, մակբայակերտ դերիվացիա, բայակերտ դերիվացիա, ածանցում, նվազական ածանցներ*

«ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ»: РЕАЛЬНЫЕ И ИРРЕАЛЬНЫЕ ОНИМЫ

БЕЛЛА САГИЯН

Аннотация. Статья посвящена изучению ономастикона как обязательного элемента художественного произведения, передающего коммуникативно значимую информацию и приобретающего новые значения в процессе функционирования в тексте и восприятия текста читателем. Имена собственные, то есть онимы, используемые как в языке, так и в художественном тексте, дают возможность изучить изменения в системе языка, которые вызваны характерными для данного общества событиями в исторической, социальной и культурной жизни. Статья посвящена изучению реальных и вымышленных онимов в романе И. Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев». Цель статьи – определить семантику и функции онимов в художественном произведении, выявить их роль в смысловой и структурной организации текста, обеспечении его информативности и целостности, показать зависимость употребления онимов различных групп в связи с художественным контекстом и авторскими задачами. Рассматриваются практически все типы онимов, которые разделены на реальные и вымышленные. Наряду с реальными онимами авторами используется большое количество вымышленных, которые отражают дух и быт того времени, создают иллюзию реальности в романе. Анализируются разновидности собственных имен, различающиеся по типам называемых объектов и по принципам номинации. Исследуется вклад, который они вносят в художественную ткань романа; дается характеристика собственных имен в аспекте выполнения ими художественных функций в данном произведении.

Ключевые слова: *И. Ильф, Е. Петров, «Двенадцать стульев», имена собственные, ономастикон, реальные онимы, ирреальные онимы*

"THE TWELVE CHAIRS": REAL AND UNREAL ONYMS

BELLA SAGHYAN

Abstract. The article is devoted to the study of onomasticon as an integral part of a work of art that conveys communicatively significant information and acquires new meanings in the process of functioning in the text and the perception of the text by the reader. Proper names – onyms are used both in the language and in the literary text, make it possible to study the changes in the language system that are caused by historical, social and cultural events typical to the given society. The article is devoted to the study of real and fake onyms in the novel by I. Ilf and Y. Petrov "The Twelve Chairs". The aim of the article is to determine the semantics and functions of onyms in a work of art, to identify their role in the semantic and structural organization of the text, to ensure its informativeness and integrity, to show the dependence of the use of onyms of various groups in connection with the artistic context and author's tasks. Almost all types of onyms are considered, which are divided into real and fake. Along with real-

life onyms, the authors use a large number of fake onyms that reflect the spirit and life of that time, create illusions of reality in the novel. Varieties of proper names are analyzed, differing in the types of named objects and in the principles of nomination. The contribution that they make to the artistic fabric of the novel is investigated; the characteristic of proper names is given in the aspect of their fulfillment of artistic functions in this work.

Keywords: *I. Ilf, E. Petrov, "The Twelve Chairs", proper names, onomasticon, real onyms, unreal onyms*

Онимы в языке и художественной литературе

Интерес к онимам определяется той ролью, которую они играют в жизни человека, составляя ее неотъемлемую часть и участвуя в формировании языковой картины мира.

Существует множество научных исследований, анализирующих имена собственные. Эти публикации посвящены как общей ономастике ([Супранская, 1973], [Подольская, 1988], [Бондалетов, 1983] и т.д., так и поэтической ([Горбаневский, 1983], [Супрун, 2000], [Николаева, 2001], [Фомин, 2009], [Ларина, 2016] и т.д).

Имена используются во всех языках и культурах. С помощью имен людям легко говорить об отдельных лицах, определенных местах, объектах или предметах, не описывая их большим количеством слов. Без имен общение было бы затруднено, практически невозможно. Имена являются ключевыми словами, они идентифицируют и отличают референт от других объектов того же класса. С другой стороны, имена – это слова, с которыми связано множество эмоций: имя несет в себе имеющуюся у нас информацию о его носителе, будь это человек, животное, место или предмет.

С именами связаны такие значимые темы, как идентичность, история, традиции, родство, собственность, власть, деньги и т.д. Поэтому имена – это слова особого качества. Имена являются частью культуры. Они всегда возникают в процессе взаимодействия людей с языковым сообществом, а также с окружающей их средой. Человек дает имя референтам, которые, по его мнению, стоит назвать. Место, предмет или вещь, имеющие собственное имя, всегда в той или иной мере значимы для человека. Называя, человек овладевает окружающей средой, как бы систематизирует и классифицирует ее. С другой стороны, имена, будучи собственными, уникальными элементами языка, в свою очередь участвуют в создании, формировании культуры. С их помощью появляются новые модели, а за ними следует создание новых имен.

Особый интерес вызывает изучение имен собственных в художественных произведениях. Писатели используют имена в силу разных причин, например, когда референт может быть идентифицирован с именем, его не нужно описывать сложными пояснениями.

Функции имен собственных в художественной литературе весьма разнообразны и поэтому не могут быть истолкованы только через их референциальное отношение. Литературная ономастика, таким образом, представляет собой междисциплинарную область исследований, в которой требуется изучение культуры, истории и в которой сливаются воедино

линии литературы и ономастики. По мнению К.А. Елистратовой, «имена собственные в художественном тексте являются одним из связующих звеньев между автором, текстом и внетекстовой реальностью, что позволяет соотносить действительность, изображенную в литературном произведении, с объективно существующим пространственно-временным континуумом» [Елистратова, 2015, с.4].

Ономастикон романа «Двенадцать стульев»

Ономастикон художественного текста – это особая семантическая сеть. Свойства онимов ярко проявляются в значимых для конкретной лингвокультуры текстах, к которым, несомненно, относится и первый роман дилогии И. Ильфа и Е. Петрова о Великом комбинаторе – «Двенадцать стульев». Роман «Двенадцать стульев» – первая совместная работа соавторов. Написанный в 1927 году и уже в 1928 году опубликованный в художественно-литературном журнале «Тридцать дней» (№ 1-7), в том же году был издан отдельной книгой, но в течение почти десятилетия, вплоть до 1938 года, произведение подвергалось авторским правкам.

Сразу же после выхода в свет возник огромный интерес к произведению, который не угас до сих пор, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, посвященные разным аспектам романа. Интерес не в последнюю очередь вызван остроумно и точно запечатленной широкой панорамой жизни советского общества 20-х годов. «Описание окружающей действительности сквозь призму комического мировидения соавторов выразилось в общем комическом эмотивном фоне их произведений и насмешливой эмотивной тональности, проявляющейся в выражении эмоционального отношения к действительности» [Попченко, 2005, с.203]. Роман – одно из самых известных и цитируемых произведений русской литературы. Многие имена стали нарицательными, например, именем поэта-графомана Ляписа-Трубецкого была названа белорусская панк-рок-группа.

В романе функционирует большое количество онимов (методом сплошной выборки было отобрано 116 единиц), которые можно разделить на две основные группы: реальные и ирреальные (вымышленные). «Ономастическое пространство у каждого автора представлено разными типами онимов, находящимися на отрезке между реальными и вымышленными именами. Оппозиция реальные/ирреальные имена представляется крайними звеньями цепочки от исторического имени к вымышленному» [Лихачев, 1987, 3, сс.108-130].

Искусственные (вымышленные) онимы относятся к референтам, которые существуют только вне реального мира, то есть в воображении автора (вымышленные персонажи, места). Следует отметить, что одно и то же имя имеет разные функции в реальном и художественном мирах (например, имя главного героя (*Остан, Куса*) в романе относится к вымышленному, а не к реальному человеку с таким же именем).

В романе «Двенадцать стульев» И.Ильфа и Е.Петрова можно выделить следующие реальные и вымышленные онимы: антропонимы, топонимы, хремотонимы, эргонимы, гемеронимы, библионимы, артионимы и т.д.

Антропонимикон романа И. Ильфа и Е. Петрова интересен тем, что в

нем наряду с реальными историческими именами представлены и вымышленные. В реальном фигурируют имена исторических деятелей, деятелей культуры и науки, писателей, спортсменов, здесь также используются прецедентно-литературные онимы, религиозные, мифологические онимы.

Исторические деятели – *Лукулл (римский военачальник и политический деятель), Родзянко (председатель Госдумы), Нестор Махно, Павел Первый, Александр Второй, Екатерина Вторая, Владимир Красное Солнышко, негус Менелик (император Эфиопии)* и т.д.

В некоторых случаях исторические имена употребляются для создания и усиления комического эффекта: Ипполит Матвеевич в очках, по мнению жены, – вылитый Миллюков (*лидер кадетской партии, министр Временного правительства*), усы у него лучше, чем у Бриана (*премьер-министр Франции*). Напуганный сходством с Миллюковым, Воробьянинов отдает очки дворнику. Голос Клавдии Ивановны Петуховой мог бы вызвать зависть у короля Ричарда Львиное Сердце, «от крика которого, как известно, приседали кони» [*Ильф и Петров, 1986, с. 7*].

Можно выделить в отдельную группу деятелей культуры и науки: композиторы – *Штраус, Брамс, Григ, Рубинштейн*; художники – *Репин, Пюви де Шаванн и т.д.*, певцы – *Нежданова, Шаляпин и т.д.* Отдельную подгруппу составляют писатели: *М.П. Арцыбашев, Е.А. Салиас, П.Д. Боборыкин, В.А. Жуковский, Г. Гейне, М. Твен, А.Н. Островский, А.П. Сумароков, Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, М.Ю. Лермонтов и т.д.* В эту подгруппу вошли как классики, так и современники (*М. Горький, В. Маяковский, А. Жаров*) И. Ильфа и Е. Петрова.

Еще одну группу реальных антропонимов составили имена шахматистов: *Капабланка, Ласкер, Рети, Рубинштейн, Мароци, Видмар, Григорьев, Нимцович*. В СССР после революции и гражданской войны начался настоящий шахматный бум, так как большевистское руководство страны считало это искусство политическим орудием. Еще один нюанс: шахматная корона в те годы принадлежала Александру Алехину, эмигранту, идеологическому противнику Советской власти, которая мечтала при помощи возвращенных в стране молодых шахматистов отобрать корону у четвертого чемпиона мира. Сцена в Васюках – своего рода отклик на это.

В ряду прецедентных имен достаточно обширную подгруппу составили имена литературных персонажей: *королева Марго, Чичиков, персонажи итальянской комедии дель арте Арлекин, Коломбина и Паяц, Гаргантюа (персонаж романов Ф. Рабле), Энди Таккер (благородный жулик из рассказов О. Генри), Гекуба (жена царя Приама в древнегреческой мифологии)* и т.д.

Своеобразно обыгрываются и переосмысливаются в романе религиозные антропонимы: *Аполлон, Авессалом, Самсон, Сим, Фрол и Лавр* и другие – интерпретируя современную авторам ситуацию. Например, отец Федор является священником церкви святых Фрола и Лавра, которые были покровителями лошадей.

В антропонимиконе романа есть простые искусственные онимы, которые аналогичны реальным онимам (ср.: *мадам Петухова, Федор Ивановыч*) и коннотативные искусственные онимы, обладающие развитой внут-

ренной формой и вызывающие различного рода ассоциации (ср.: *Шерше-ляфамов, Ляпис-Трубецкой, Пфеферкорны* и т.п.). Разница между этими группами состоит в следующем: простые искусственные онимы встречаются в объективной реальности, а уже сама внешняя форма коннотативных искусственных онимов показывает, что последние являются результатом творческой фантазии авторов. Все антропонимы романа «актуализируют два временных пласта:

а) актуальный синхронный срез времени жизни соавторов (настоящее время);

б) диахронный срез времени (мировая культура в разные исторические периоды)» [Дергилева, 2008, с.181].

Считаем нужным отметить, что сами авторы – Илья Ильф и Евгений Петров – писали под псевдонимами, что свидетельствует о значимости для них антропонимических псевдонимов и искусственных онимов.

Топонимы (место + имя) в художественной литературе часто включают в себя разного рода информацию, поддерживающую содержание произведения. Реальные топонимы обычно помогают связать историю с конкретной страной, регионом или городом, а вымышленные – с какой-нибудь воображаемой средой. Иногда эти топонимы включают в себя различные ассоциативные связи с названиями существующих мест и таким образом приобретают дополнительный смысл. Вымышленные топонимы также образуют свою систему. Характерно, что при создании топонимов в литературе используются те же или, по крайней мере, сходные правила образования имен, что и при создании номенклатуры реального мира.

Топонимы в романе представлены весьма многочисленной группой, включающей в себя названия реальных и вымышленных городов, улиц, площадей и т.д.

Свой поход за бриллиантами Воробьянинов начинает в уездном *городе N*, откуда Ипполит Матвеевич отправляется в *Старгород*; туда же, «со стороны деревни *Чмаровки*», следует Бендер. «Дальнейший маршрут героев включает тысячи километров пути: *Старгород* → *Москва* → *Нижний Новгород* → *Бармино* → *Васюки* → *Чебоксары* → *Сталинград* → *Тихорецкая* → *Минеральные Воды* → *Пятигорск* → *Владикавказ* → *Дарьяльское ущелье* → *Тифлис* → *Батум* → *Ялта* → *Москва*» [Ильф, 2013, сс.218-242].

Среди топонимов представлены как реальные онимы, так и вымышленные. Например, реальные: *Москва, Чебоксары, Пятигорск, Тверь, Самара, Париж, Киев, Одесса, Берлин, Саратов, Кисловодск, Ялта, Мцхета, Анапа, Владикавказ, Махачкала, Ростов и т.д.* Среди вымышленных – *Старгород, Старые Васюки, Нью-Васюки, Чмаровка.*

В погоню за стульями концессионеры отправляются по московско-поволжско-кавказско-крымскому маршруту, а развороченные стулья уносятся волжским течением, батумскими волнами и ялтинским землетрясением. Бендер и Воробьянинов встречаются в разных уголках страны с рядом лиц из предыдущих глав: с Безенчуком, Кислярским, Изнуренковым, отцом Федором и другими.

Отдельную группу составляют названия реальных улиц: *Губернская, Советская, Осыпная, Кооперативная, Виноградная, Миллионная, Губер-*

наторская, Вторая Советская, Садово-Спасская, Тверская, Камергерская, Малая Арнаутская, улица Ленских событий, улицы Маркса и Энгельса, Лассалья и т.д. Отметим, что старые названия улиц вытесняются новыми, идеологизированными. Переименования создают путаницу: улицу Плеханова извозчик не может найти, так как не знает ее прежнего названия. По сравнению с реальными, вымышленных улиц не так много: Гусице, Большая Пушкинская (есть Большая Пушкарская), Перелешинский переулок и т.д.

Стремясь создать реалистичный общественно-культурный фон, авторы использовали в тексте названия известных фирм, продукцию, производимую торговыми домами. В составе этих наименований присутствуют фамилии реальных исторических лиц: *Якоб Беккер, Павел Буре, Луи Рашель*. И авторы не могли оставить без внимания важную сторону повседневной жизни, ярко характеризующую быт и взгляды людей того времени.

Среди реальных хрематонимов (собственное имя предмета материальной культуры: оружия, музыкального инструмента, ювелирного изделия, драгоценного камня, предмета утвари) – будильник фирмы «*Павел Буре*», кружка *Эсмарха*, пудра «*Рашель*», бритва «*Жиллет*», рояль «*Беккер*», вазы французского завода «*Севр*», керосинка «*Грец*», мебель *Гамбса*, крем *Марго*. Интересна история создания названия крема *Марго*. На самом деле это вовсе не крем, а мороженое *Ice a la Margot* (ice-cream с англ. – мороженое). Об этом упоминается в книге известного кулинарного критика Ф. Фармер [Farmer, 1918, с.114].

В романе наряду с реально существовавшими названиями и торговыми марками встречаются и придуманные в иронических целях авторами: *пеногон-огнетушитель «Эклер»*, *порошок против клопов «Арагац»*, *краски для волос «Титаник»* и «*Наяда*», *крем «Анго»*, которые имеют громкие названия, но при этом являются весьма низкопробными товарами. Налицо несоответствие предмета его названию. Например, провизор Леопольд Григорьевич, по-домашнему – Липа (весьма говорящее имя!), уверяет Воробьянинова, что краска «Титаник» – весьма надежное средство. Здесь явная ирония: напомним, что, по мнению экспертов, «Титаник» считался надежным судном.

Эргонимы (названия предприятий или организаций) в романе – *похоронные бюро «Милости просим»* и «*Нимфа*», *ресторан «Феникс»*, *пивная «Орел»*, *столовая «Уголок вкуса»*, *союз «Меча и орала»*, *кооператив «Плуг и молот»*, «*Шахматный клуб четырех коней*», «*Потеря качества при выигрыше темпа*», *общества «Капля молока»* и «*Белый цветок*», *интернат «Жаворонок»*, *вегетарианская столовая «Не укради»*, *артель «Пегас и Парнас»* и т. д. – также весьма «говорящие» и соответствующие системе наименований той эпохи. В частности, отметим такой интересный факт, что «*плуг и молот*» являлся официальной эмблемой Советской России до середины 1918 года, а позже был заменен художником Е. И. Камзолкиным на «серп и молот» [Научно-исследовательский образовательный портал Два Града, 2015]. Таким образом, кооператив «*Плуг и молот*» представляет собой оксюморон, объединяя символы советской власти (*Плуг и молот*) и частного предпринимательства (*кооператив*).

В двадцатые годы появилась мода на аббревиатуры, которая имела целью создание особого советского «новояза». И. Ильф и Е. Петров высмеивают тенденцию к злоупотреблению советскими аббревиатурами, подчеркивая их неэстетичность и неестественность. Как отмечают Л.А. Троценко и М.С. Мисевич, в романе в основном используются реальные аббревиатуры, вымышленных практически нет. [Троценко, Мисевич, 2021, с.115]. Авторская ирония над этим способом номинации проявляется в том, что специально подбираются неблагозвучные и труднопроизносимые реальные аббревиатуры: *Госпромцветмет (Государственная промышленность цветных металлов)*, *Закавтопромторг (Закавказская автотранспортная промышленная торговля)*, *Наркомвнешторг (Народный Комиссариат внешней торговли)* и т.д. Вымышленных аббревиатур в романе мало: *Старгубстрах*, *Старкомхоз* и т.д., но можно заметить, что они строятся по типу реально существующих.

На протяжении всего текста романа просматривается тенденция наименования гостиниц и ресторанов в честь разных стран и городов: «*Ориант*», «*Флорида*», «*Сорбонна*», «*Франция*». При этом отдаленность и провинциальность местности обратно пропорциональны звучному названию.

Как отмечает А.А. Муренкова: «В романах "Двенадцать стульев" и "Золотой теленок" авторы специально употребляют реальные бренды, чтобы за их фактурой «протащить» глубокую иронию, заложенную в искусственно созданные ими названия организаций, фирм и товаров. Они выступают не только как одно из ярких средств характеристики быта, эпохи, но и как средство обличения от иронии до сарказма и сатиры, обнажающих всю фальшь и неестественность советской политической и экономической системы» [Муренкова, 2018].

Среди реальных гемеронимов (названия средств массовой информации) – газеты «*Станок*», «*Известия*», «*Правда*», журналы «*Русский папаломник*», «*Огонек*», «*Летопись войны 1914г.*», «*Смехач*», «*Красная Нива*». Названия вымышленных органов печати стилистически более окрашены: газеты «*Суд и быт*», журналы «*Герасим и Муму*», «*Будни морзиста*», «*Гигроскопический вестник*», «*Кооперативная флейта*» и т.д. А, к примеру, название газеты «*Известия*» авторы искажают намеренно, копируя произношение распространителей газет и журналов: «московская гайзета «Звестие!»».

Библионимы (греч. «книга» + оним) – названия любых письменных произведений: художественных, религиозных, научных, политических и т.д. – представлены книгами «*Война и мир*», «*Анна Каренина*», «*Крейцеровва соната*», «*Женитьба*», «*История раскола*» (автор Н. Мирялобов «*История русского раскола*»), брошюра «*Русские в Италии*» и т.д. Вымышленные библионимы звучат весьма красноречиво: комедия «*Сокровище моей тещи*», пьеса «*Порошок идеологии*» и т.д.

Дромонимы реальные (собственное имя любого пути сообщения) – «*Мурманская*», «*Тихорецкая*» железные дороги, «*Данцигский*» коридор, «*Военно-Грузинская*», «*Северо-Кавказская*» ж.д., станции «*Минеральные Воды*», «*Ларс*», «*Дворцовый мост*». Вымышленные дромонимы – «*Москворецкий*» мост, пристань «*Бармино*», аэропорт «*Нью-Васюки*» и т.д.

Артионимы реальные – названия произведений изобразительного искусства (живописи, графики, пластики) представлены балетом «Красный мак», оперой «Чио-Чио-Сан», песней «Интернационал», маршем Кексгольмского полка, картинами «Портрет Буденного», «Остров мертвых» Беклина, «Пейзаж» Петунина и т.д. Вымышленные артионимы – картина «Большевики пишут письмо Чемберлену» (по аналогии с картиной Репина «Запорожцы пишут письмо султану»), «Зерцало грешного».

Карабонимы в романе – пароходы «Скрябин», «Антон Рубинштейн», «Карл Либкнехт», «Пестель», «Ленин» и теплоход «Урицкий». Как видим, плавучие средства носят имена или композиторов, или революционных деятелей.

Отдельные группы онимов: космонимы (планеты), оронимы (горы, вулканы), гидронимы (реки, моря, океаны) – в романе представлены только реальными названиями.

Выводы

Разграничение реальных и искусственно созданных авторами онимов и их анализ имеют особую значимость: реальные имена являются знаками культуры, а искусственные, ирреальные, приобретают свою культурную коннотацию только в тексте произведения.

В романе постоянно происходит пересечение явлений «старого» и «нового» мира, «старой» и «новой» культуры, «старого» и «нового» быта. Как пишет Ю.К. Щеглов: «Все эти явления способствуют лоскутности отраженной в романах культуры, придают ей до причудливости гетерогенный и дисгармонический облик, словно издевающийся над установкой на единообразии, которую тоталитарная идеология содержит в своей программе» [Щеглов, 1995, сс.25-26].

Скрещивая разнородные культурные пласты, Ильф и Петров конструируют текстовые оксюмороны. Например, говорящее имя Авессалом Изнуренков. Имя Авессалом означает «отец мира, покоя», изнурение – это состояние крайнего утомления, истощения. Сочетание имени Авессалом с фамилией Изнуренков звучит комически, так как мы помним, что данный персонаж ни на минуту не оставался в покое и изнуренным не выглядел. Граф Алексей Буланов сменил имя на достаточно труднопроизносимое и неблагозвучное Евпл. Парикмахер «Пьер и Константин», иностранный псевдоним которого является элементом парикмахерской традиции, откликается на имя Андрей Иванович. Похоронные бюро называются «Нимфа» и «Милости просим», а одесская бубличная артель – «Московские баранки». Авангардный театр назван «Колумб», а общежитие студентов-химиков имени врача Семашко в шутку носит имя монаха Бертольда Шварца, которого считают европейским изобретателем пороха. Пеногонгнетушитель «Эклер» сперва издает тонкое шипение, напоминающее старинную мелодию «Коль славен наш Господь в Сионе», а потом выпевает ноты, на которые «способна одна лишь народная артистка республики Нежданова» [Ильф и Петров, 1986, с.41]. Под аккомпанемент балалаечных струн поет певец из народа – «черноземный Баттистини» (итальянский оперный певец). Фельетонист Принц Датский пишет под новым именем –

Маховик, сменив звучный литературный псевдоним на производственный. Замысел Бендером картины «Большевики пишут письмо Чемберлену», где «всесоюзный староста» Калинин должен был быть изображен в папахе и белой бурке, а нарком Чичерин – голым по пояс, совершенно не вяжется с ни с должностью, ни с внешним обликом, ни с характерами обоих исторических деятелей.

Роман «Двенадцать стульев» можно назвать «энциклопедией советской жизни» первых пятилеток. И. Ильф и Е. Петров, реализуя готовые характерные для описываемой эпохи конца двадцатых годов XX века названия, внедряют выдуманные. Авторы, создавая онимы по типичным для того периода образцам, стремятся как можно точнее передать дух и быт своего времени, «размножая» названия. Многими своими чертами названия соответствуют тому, что именуется «языковым вкусом эпохи» [Костомаров, 1999, с.320].

ИСТОЧНИКИ

Ильф, И.А. и Петров, Е.П., 1986. *Двенадцать стульев; Золотой теленок*. Москва: Художественная литература, сс.3-240.

Научно-исследовательский образовательный портал Два Града. 2015. Москва. URL:https://dvagrada.ru/wiki/%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%BF_%D0%B8_%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82 [06.10.2022].

Подольская, Н.В., 1990. Антропонимика. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия.

Farmer, F.M., 1918. *The Boston cooking-school cook book*. Boston: Little, Brown. URL: <https://www.bartleby.com/87/r1409.html> [01.11.2022].

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бондалетов, В.Д., 1983. *Русская ономастика*. Москва: Просвещение.

Горбаневский, Д.С., 1983. *В мире имён и названий*. Москва: Знание.

Дергилева, Ж.И., 2008. *Художественный антропонимикон в лингвокультурологическом представлении: на материале дилогии И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок*. АКД, Белгород. URL: <https://www.dissercat.com/content/khudozhestvennyi-antropomimikon-v-lingvokulturologicheskom-predstavlenii-na-materiale-dilogii/read> [05.09.2022].

Елистратова, К.А., 2015. *Ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой: лингвосемиотический аспект*. Череповецкий государственный университет: Череповец.

Ильф, А., 2013. Муза дальних странствий, или Погоня за бриллиантами. *Дерibasовская-Ришельевская. Альманах*, 54(3), сс.218-242.

Костомаров, В.Г., 1999. *Языковой вкус эпохи*. Москва: Златоуст.

Ларина, Т. Ю., 2016. *Онимы как средство связности в художественном тексте*. АКД, Ростов-на-Дону. URL: <http://www.dissercat.com/content/> [14.02.2018]

Лихачев, Д.С., 1987. От исторического имени литературного героя к вымышленному. В кн.: Лихачев, Д.С. *Избранные работы в 3 томах*. Т.3. Ленинград: Художественная литература, сс.108-130.

Муренкова, А.А., *Бренды истинные и художественные в романах И.Ильфа и Е.Петрова. Тезисы доклада* URL: <http://rgo.msk.ru/commissions/toponymy/stc40/09> [14.02.2017].

Николаева, Т.М., 2001. Имена собственные в русской культуре и литературе (к вопросу об эволюции культурных коннотаций). В кн.: Николаева, Т.М. *Имя:*

внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Часть 2. Москва: Институт славяноведения РАН, сс.188-192.

Попченко, И.В., 2005. *Комическая картина мира как фрагмент эмоциональной картины мира: На материале текстов И. Ильфа и Е. Петрова.* АКД, Волгоград. URL: <https://cheloveknauka.com/komicheskaya-kartina-mira-kak-fragment-emotsionalnoy-kartiny-mira> [05.09.2022].

Суперанская, А.В., 1973. *Общая теория имени собственного.* Москва: Наука.

Супрун, В.И., 2000. *Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал.* Волгоград: Перемена.

Троценко, Л.А., Мисевич, М.С., 2021. Сложнокращенные слова в романе И.Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев». *Эпоха науки*, (27), сс.114-117.

Фомин, А. А., 2004. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы. *Вопросы ономастики*, (1), сс.108–120.

Щеглов, Ю.К., 1995. *Комментарии к роману «Двенадцать стульев».* Москва: Панорама.

REFERENCES

Bondaletov, V.D., 1983. *Russkaya onomastika [Russian onomastics].* Moscow: Prosveshchenie Publ. (in Russian).

Gorbanevskiy, D.S., 1983. *V mire imen i nazvaniy [In the world of names and titles].* Moscow: Znanie Publ. (in Russian).

Dergileva, Zh.I., 2008. *Khudozhestvennyy antroponimikon v lingvokul'turologicheskom predstavlenii: na materiale dilogii I. Il'fa i E. Petrova «Dvenadsat' stul'ev» i «Zolotoy telenok» [Artistic anthroponymicon in linguoculturological representation based on the material of the dilogy by I. Ilf and E. Petrov "The Twelve Chairs" and "The Golden Calf"].* AKD, Belgorod. URL: <https://www.dissercat.com/content/khudozhestvennyi-antroponimikon-v-lingvokulturologicheskom-predstavlenii-na-materiale-dilogi/read> [Accessed 05 September 2022]. (in Russian).

Eliustratova, K.A., 2015. *Onomastikon poeticheskogo diskursa Very Polozkovoy: lingvosemioticheskiy aspekt [Onomasticon of Vera Polozkova's Poetic Discourse: Linguistic Semiotic Aspect].* Cherepovets: Cherepovetskiy gosudarstvennyy universitet Publ. (in Russian).

Il'f, A., 2013. Muza dal'nikh stranstviy, ili Pogonya za brilliantami [Muse of distant wanderings, or the pursuit of diamonds]. *Deribasovskaya-Rishel'evskaya. Al'manakh [Deribasovskaya-Rishelyevskaya. Almanac]*, 54(3), pp.218-242. (in Russian).

Kostomarov, V.G., 1999. *Yazykovoy vkus epokhi [Language taste of the era].* Moscow: Zlatoust Publ. (in Russian).

Larina, T. Yu., 2016. *Onimy kak sredstvo svyaznosti v khudozhestvennom tekste [Names as a Means of Connectivity in a Literary Text].* AKD, Rostov-on-Don. URL: <http://www.dissercat.com/content/> [Accessed 14 February 2018]. (in Russian).

Likhachev, D.S., 1987. Ot istoricheskogo imeni literaturnogo geroya k vymyshlennomu [From the historical name of a literary hero to a fictitious one]. V kn.: Likhachev, D.S. *Izbrannye raboty v 3 tomakh. T.3. [Selected works in 3 volumes].* Vol. 3. Leningrad: Khudozhestvennaya literature Publ., pp.108-130. (in Russian).

Murenkova, A.A., *Brendy istinnye i khudozhestvennye v romanakh I.Ilf'a i E.Petrova. Tezisy doklada [True and artistic brands in the novels of I. Ilf and E. Petrov. Abstracts of the report].* URL: <http://rgo.msk.ru/commissions/toponymy/stc40/09> [14 February 2018]. (in Russian).

Nikolaeva, T.M., 2001. *Imena sobstvennye v russkoy kul'ture i literature (k vo-*

prosu ob evolyutsii kul'turnykh konnotatsiy) [Proper names in Russian culture and literature (to the question of the evolution of cultural connotations)]. V kn.: Nikolaeva, T.M. *Imya: vnutrennyaya struktura, semanticheskaya aura, kontekst* [Name: internal structure, semantic aura, context]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ., pp.188-192. (in Russian).

Popchenko, I.V., 2005. *Komicheskaya kartina mira kak fragment emotsional'noy kartiny mira: Na materiale tekstov I. Il'fa i E. Petrova* [Comic picture of the world as a fragment of the emotional picture of the world: Based on the texts of I. Ilf and E. Petrov]. AKD, Volgograd. URL: <https://cheloveknauka.com/komicheskaya-kartina-mira-kak-fragment-emotsionalnoy-kartiny-mira> [05 September 2022]. (in Russian).

Superanskaya, A.V., 1973. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper name]. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).

Suprun, V.I., 2000. *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskiy potentsial* [Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential]. Volgograd: Peremena Publ. (in Russian).

Trotsenko, L.A., Misevich, M.S., 2021. Slozhnosokrashchennye slova v romane I. Ilfa i E. Petrova «Dvenadtsat' stul'ev» [Compound words in the novel by I. Ilf and E. Petrov "The Twelve Chairs"]. *Epokha nauki* [Age of Science], (27), pp.114-117. (in Russian).

Fomin, A.A., 2004. Literaturnaya onomastika v Russii: itogi i perspektivy [Literary onomastics in Russia: results and prospects.]. *Voprosy onomastiki* [Questions of onomastics], (1), pp.108–120. (in Russian).

Shcheglov, Yu.K., 1995. *Kommentarii k romanu «Dvenadtsat' stul'ev»* [Comments on the novel "The Twelve Chairs"]. Moscow: Panorama Publ. (in Russian).

«ՏԱՍՆԵՐԿՈՒ ԱԹՈՌ» ԻՐԱԿԱՆ ԵՎ ՀՈՐԻՆՎԱԾ ՕՆԻՄՆԵՐԸ

ԲԵԼԼԱ ՍԱՂՅԱՆ

Անփոփում: Հոդվածում ուսումնասիրվում է օնոմաստիկոնը՝ որպես գեղարվեստական ստեղծագործության անբաժանելի մաս, որը փոխանցում է հաղորդակցական կարևոր նշանակություն ունեցող տեղեկատվություն և նոր իմաստներ է ստանում ինչպես տեքստում, այնպես էլ ընթերցողի կողմից տեքստի ընկալման ժամանակ: Հատուկ անունը, որն օգտագործվում է ցանկացած գրական տեքստում, թույլ է տալիս հետևել լեզվական համակարգի փոփոխություններին՝ պայմանավորված տվյալ հասարակությանը բնորոշ պատմական, սոցիալական և մշակութային իրադարձություններով: Հոդվածում ուսումնասիրվում են Ի. Իլֆի և Ե. Պետրովի «Տասներկու աթոռ» վեպի իրական և հորինված անունները: Հոդվածի նպատակն է սահմանել օնիմների իմաստաբանությունն ու գործառույթները գեղարվեստական ստեղծագործության մեջ, բացահայտել դրանց դերը տեքստի իմաստային և կառուցվածքային կազմակերպման մեջ՝ ապահովելով դրա տեղեկատվական բովանդակությունը և ամբողջականությունը, ցույց տալ տարբեր խմբերի անունների օգ-

տագործման կախվածությունը գեղարվեստական համատեքստից և հեղինակի առաջադրանքներից: Դիտարկվում են անունների գրեթե բոլոր տեսակները, որոնք բաժանվում են իրականի և հորինվածի: Իրական անուններին գուցահեռ՝ հեղինակներն օգտագործում են մեծ թվով հորինված անուններ, որոնք արտացոլում են այն ժամանակվա ոգին ու կյանքը, վեպում ստեղծում իրականության պատրանքներ: Վերլուծվում են հատուկ անունների տարատեսակները, որոնք տարբերվում են անվանվող առարկաների տեսակներով և անվանակարգման սկզբունքներով: Հետազոտվում է դրանց դերը վեպի գեղարվեստական կառուցվածքում: Հատուկ անունների բնութագիրը ստեղծագործության մեջ տրված է նրանց գեղարվեստական գործառույթների կատարման տեսանկյունից:

Բանալի բառեր – *Բ. Իլֆ, Ե. Պետրով, «Տասներկու աթոռ», հատուկ անուններ, օճումաստիկոն, իրական անուններ, հորինված անուններ*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
ՏԵՂԵԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ՀԵՂԻՆԱԿՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- 1. Левон Акопян** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской литературы ЕГУ
Աւոն Հակոբյան – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, ԵՊՀ ռուս գրականության ամբիոնի վարիչ
Levon Hakobyan – Candidate in Philology, Associate Professor, Head of YSU Chair of Russian Literature
Эл. почта: levon.hakobyan@ysu.am
- 2. Рузан Грдзелян** – доктор филологических наук, профессор кафедры Русского языкознания, типологии и теории коммуникации ЕГУ
Ռուզան Գրձէլյան – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, ԵՊՀ ռուսաց լեզվաբանության, տիպաբանության և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի պրոֆեսոր
Rouzan Grdzelyan – Sc.D. in Philology, Professor of YSU Chair of Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication
Эл. почта: ruzan.grdzelyan@ysu.am
- 3. Кристине Асатрян** – соискатель кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации ЕГУ
Քրիստինե Ասատրյան – ԵՊՀ ռուսաց լեզվաբանության, տիպաբանության և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի հայցորդ
Kristine Asatryan – Applicant at the Chair of Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication YSU
Эл. почта: kristine.asatryan@ysu.am
- 4. Белла Сагиян** – соискатель кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации ЕГУ
Բելլա Սաղյան – ԵՊՀ ռուսաց լեզվի, տիպաբանության և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի հայցորդ
Bella Saghyan – Applicant at YSU Chair of Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication
Эл. почта: b.saghyan@ysu.am

СОДЕРЖАНИЕ * ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ * CONTENTS

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ
LITERARY CRITICISM

Левон Акопян – Лексическая доминанта в поэтическом тексте 3
Լևոն Հակոբյան – Բառային դոմինանտը բանաստեղծական տեքստում
Levon Hakobyan – The Lexical Dominant in Poetic Text

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ԼԵՉՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ
LINGUISTICS

Рузан Грдзелян – Наименования природных объектов: семантические, лингво-
культурные и типологические особенности..... 20
Ռուզան Գրձեղյան – Բնական օբյեկտների անվանումների իմաստաբանա-
կան, լեզվամշակութային և տիպաբանական առանձնահատկու-
թյունները
Rouzan Grdzelyan – Names of Natural Objects: Semantic, Linguocultural and
Typological Features

Кристине Асатрян – Словообразовательная деривация в русскоязычных
социальных сетях 38
Քրիստինե Ասատրյան – Բառակազմական դերիվացիան ռուսալեզու
սոցիալական կայքերում
Kristine Asatryan – Word Formative Derivation in Russian-Language Social Net-
works

Белла Сагиян – «Двенадцать стульев»: реальные и ирреальные онимы..... 50
Բեղլա Սաղյան – «Տասներկու աթոռ». իրական և հորինված օնիմները
Bella Saghyan – "The Twelve Chairs": Real and Unreal Onyms

Տեղեկություններ հեղինակների մասին..... 62
Сведения об авторах
Information about the Authors

Խմբագրության հասցեն. Երևան, Ալեք Մանուկյան փող., 1
Адрес редакции: Ереван, ул. Алека Манукяна 1
Address: 1, Alex Manoogian str., Yerevan

Վայք՝ journals.yసు.am
Էլ. փոստ՝ ephbanber@yసు.am

Հեռ. 060 710 218, 060 710 219

Տեխնիկական խմբագիր՝
Технический редактор
Technical Editor

Էդգար Արշակյան
Эдгар Аршакян
Edgar Arshakyan

Հրատարակչական խմբագիր՝
Издательский редактор
Publishing Editor

Արմեն Հովակիմյան
Армен Овакимян
Armen Novakimyan

Վերստուգող սրբագրիչ՝
Контрольный корректор
Proofreader

Գայանե Գրիգորյան
Гаяне Григорян
Gayane Grigoryan

Թողարկման պատասխանատու՝
Ответственный выпуска
Issued by

Հասմիկ Եսայան
Насмик Есаян
Hasmik Yesayan